

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

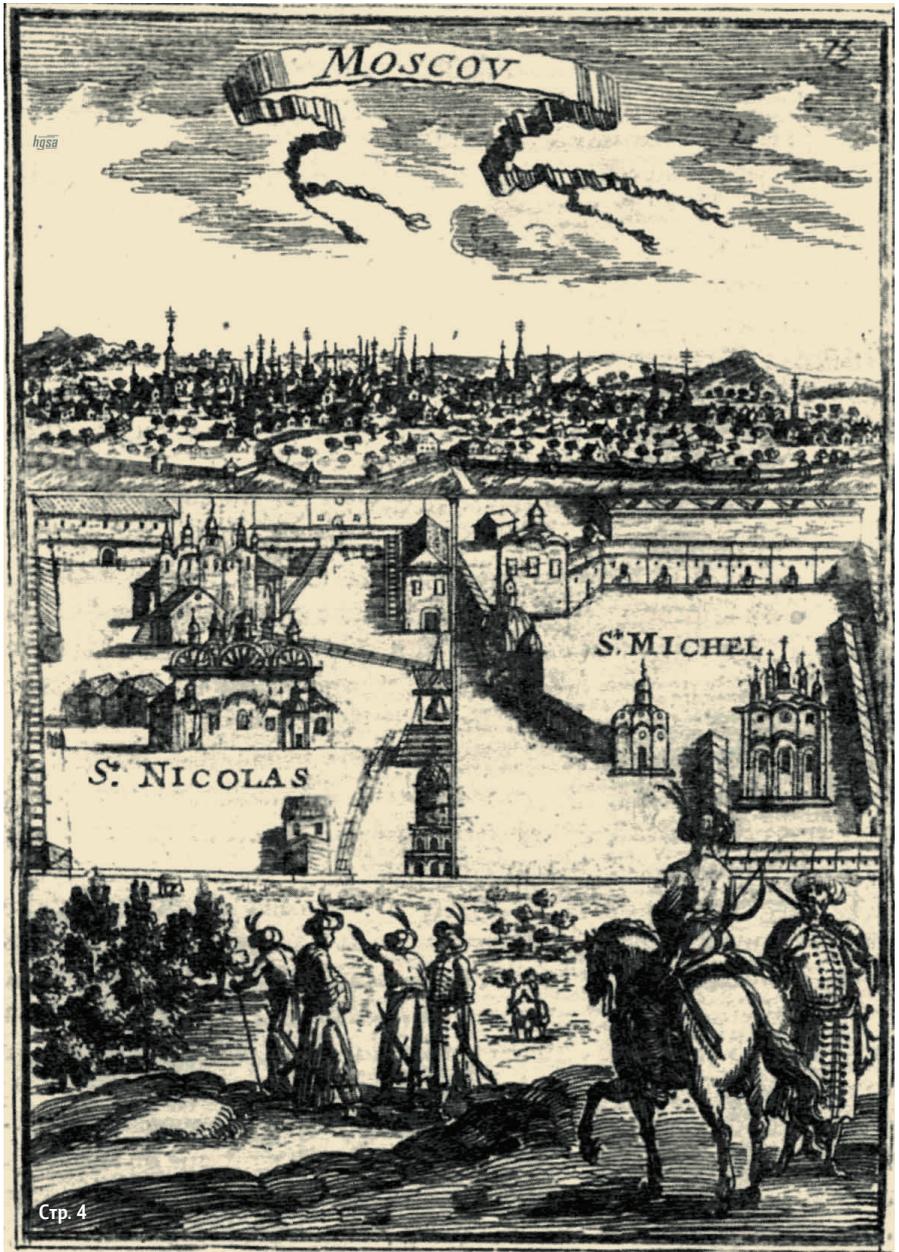
№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2010

План Москвы из Атласа Мале (1683 г.)

- МИНУВШЕЕ* **Была Кучка, стала — Москва** 4
Исторический очерк Светланы Бестужевой-Лады
- ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ* **Человек с закрытым сердцем** 10
Евгения Гордиенко о Михаиле Зощенко
- ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ* **Человек в клетке** 16
Рассказ Ричарда Коннеля
- ВОПРЕКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ* **Полиглот, музыкант... полицейский** 28
Денис Логинов об Александре Ван Лоо — слепом полицейском из Антверпена
- ИСТОРИЯ ШЕДЕВРА* **Фрески Пинтуриккьо в залах Борджа** 33
Ирина Олимах
- НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ* **Подлинные подделки** 41
Захар Радов
- Поэзия** 49
Андрей Шацков
- РАССКАЗ* **Знак судьбы** 52
Владимир Бочаров
- РАССКАЗ* **Если у вас жена — ведьма...** 72
С. Б. Гилфорд
- ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ* **У ночного костра** 84
Анна и Сергей Литвиновы
- Кроссворд, Эрудит** 108

Главный редактор
Михаил Григорьевич Кизилов

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:
Редактор
Тамара Васильевна Чичина
Литсотрудник
Светлана Михайловна Подорванова

Выпускающий редактор
Светлана Викторовна Гуркина
Дизайнер
Валерий Иванович Харламов
Корректор
Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации
Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»:
Генеральный директор
Дмитрий Юрьевич Мережко
Главный бухгалтер
Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению
Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru
Менеджер по партнерским программам
Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru
Офис-менеджер
Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ: Общество
с ограниченной
ответственностью
**«Издательский дом
журнала «Смена»:**
127994, Москва,
Бумажный пр-д, д. 14
e-mail:
jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал
«Смена»
Исключительные права
на текстовые и фото-
материалы, публикуемые
в журнале «Смена»,
принадлежат ООО
«Журнал «Смена» и охра-
няются в соответствии
с законодательством
РФ и международными
соглашениями.

Шрифты: ParaType

Макет:
Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО
«Чеховский полиграфический
комбинат»:
142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д. 1
Тираж – 14 000 экз. Зак. №4414
Цена свободная
Номер подписан в печать:
9.08.2010

Уважаемые читатели!

С осени 2010 года мы будем делать журнал для молодого читателя, но в то же время нам бы хотелось учесть и ваши интересы, уважаемые многолетние наши читатели.

Но как совместить в одном журнале запросы молодежи, предпочитающей короткие информационные материалы, и людей более старшего возраста, равнодушных к образному писательскому слову, тех, кому нравятся исторические очерки и эссе о судьбах великих шедевров и их создателей, кто равнодушен к приключенческому и детективному жанрам?..

Поэтому с сентября по декабрь 2010 года вы, уважаемые подписчики, будете получать два журнала за ту же цену, т.е. литературно-художественное приложение бесплатно, и, если эксперимент придется вам по душе, то на 2011 год предлагаем несколько вариантов подписки на «Смену»:

1. подписка на два журнала,
2. подписка на молодежный журнал,
3. подписка на литературно-художественное приложение.

Надеемся, что вы нас понимаете и поддерживаете. А время покажет, что из этого получится.

С искренним уважением,
Михаил Кизилев

БЫЛА КУЧКА, СТАЛА — МОСКВА...

Светлана Бестужева-Лада

Не существует абсолютно точной даты основания Москвы. Да и не может существовать — кто и в каком документе стал бы запечатлевать день постройки нескольких изб, обнесенных впоследствии деревянным тыном? Такие поселения возникали на Руси чуть ли не ежедневно.

Но предание, на которое ссылаются некоторые историки, будто Москва возникла в IX столетии, еще при Олеге, — абсолютный вымысел. Тогда политическая и экономическая жизнь сосредотачивалась в Киевской Руси, а территории, лежащие к северо-востоку, тем более — просто к северу, были заселены редкими племенами язычников.

При внуке Олега Святославе была предпринята попытка проникнуть в глухие северные леса и обложить местное население данью. В какой-то степени эта попытка увенчалась успехом, но до основания стольного града было еще ох как далеко!

Впервые мы имеем летописное известие о существовании Москвы от конца

первой половины XII века. Киевский период Руси заканчивался, страна оказалась разделенной на многочисленные «уделы», князья которых непрерывно грызлись между собой, ослабляя Русь и готовя идеальную почву для татаро-монгольского нашествия.

И вот тут-то в летописи и упоминается Москва, но не как город, а просто как географическое название. Ничего чрезвычайного не произошло, просто весною князь Суздальский Юрий Владимирович (Долгорукий), как передает летописное сказание, пошел на Новгород, захватил Торжок и землю на Мсте, а князь Святослав Северский, его союзник, предпринял те же самые действия по отношению к Смоленску и его окрестностям.

Успешные походы надо было достойно отпраздновать, и князь Юрий, до того посылавший в помощь Святославу своих сыновей, а также богатые дары, позвал своего союзника в Москву (в «Москов»), которая именно по этому поводу впервые упомянута в летописи.

В ту пору это был лишь небольшой пограничный — для Суздальского княжества — военный пункт, но князь Юрий, видимо, по достоинству оценил будущее важное значение городка, который находился почти в центре естественных пределов подвластных ему территорий, где смыкались границы нескольких княжеств: Суздальского, Смоленского, Рязанского, Северского и Новгородского. Старых новгородских городов — Суздаля и Ростова — князю Юрию оказалось недостаточно, «он начал в своем уделе города строить и людей населять».

Так появились Владимир-на-Клязьме, Ярославль, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский и Дмитров. Но князю Юрию нужен был город на Москве-реке, и по многим причинам.

Прежде всего — географические соображения. Исток реки, выше Можайска, находился в Смоленском княжестве, тянувшемся по Днепру к Южной Руси, а по Двине к западу, к Балтийскому морю, устье Москвы, при впадении ее в Оку, принадлежало Рязанско-Муромскому княжеству, тянувшемуся к Волге. Сплетение целой сети рек обеспечивало скрещивание путей и в Новгород, и в Киев, и во Владимир, и в Смо-

ленск. Не следует также забывать, что восемь веков назад Москва-река была еще многоводной и судоходной, да и впадавшая в нее Яуза была совсем не та, что теперь.

Здесь с незапамятных времен были не только поселения финской мери, о чем свидетельствуют открытые в Москве остатки языческих городищ и разные предметы доисторического быта, но и славянские селения. При постройке Большого Кремлевского дворца были найдены серебряные обручи (кольца) и серьги, а на месте храма Христа Спасителя — древние арабские монеты, из коих одна — 862 года. Здесь, по всей вероятности, бывали святой князь Владимир, построивший свой город на Клязьме, Борис, княживший в Ростове, Глеб — в Муроме — и Ярослав Мудрый, основатель Ярославля на Волге.

Несомненно, что посещал эти места и Владимир Всеволодович Мономах, несколько раз ездивший в Ростовскую землю и строивший там храмы. Но, когда он отдал в удел Владимир-Суздальскую землю своему сыну Юрию Владимировичу Долгорукому, ситуация изменилась: не хватало только города-крепости, военно-княжеского пункта. И такой город был основан.

Итак, в 1147 году князь съехались в Москве, где договорились «жить в любви и единстве до конца живота, иметь одних друзей и врагов и сообща стеречься от недругов». Разумеется, договор этот был довольно быстро нарушен, но Москва осталась, причем первоначально она была заложена на холме в виде крепости, главные стороны которой были обращены на юг и север. Уже позднее была построена еще одна крепость — Китай-город, а затем возведен Белый город и сооружено круговое земляное укрепление в виде валов.

Обычно историки умалчивают о том, что, получив во владение территорию, где зарождалась Москва, князь Юрий Долгорукий первым делом казнил прежнего хозяина этих земель, боярина Кучку, чем-то ему не угодившего, — скорее всего, это было простейшим способом прибрать к рукам приглянувшуюся территорию. Недаром князя Юрия современники прозвали «долгие руки». И уже потом это стало фамилией.

Летописцы излагают ход событий туманно и витиевато:

«Юрий, казнив Кучку, взыде на гору и обозре очима своими семо и овамо, по обе стороны Москвы-реки и Неглинной, возлюбил села оныя и повелел сделати там деревян град».

Между тем, боярин Кучка был весьма богат и влиятелен, о чем говорит установленный факт: дочь его Улита стала женой сына и наследника князя Юрия Долгорукого — Андрея Боголюбского. Так обычно стремились «законно» закрепить за собой нагло захваченное и присвоенное. Сыновья казненного боярина, Кучковичи, хотя и стали ближними боярами Андрея Боголюбского, отцовской смерти не простили. Один из них был уличен в измене и казнен, но второй, вместе с другими боярами, составил заговор и убил-таки в Боголюбове князя.

Впрочем, в те времена такими вещами кого-либо удивить было невозможно: самым популярным способом решения любых мало-мальски сложных проблем были заговоры и убийства, а наследство казненного боярина стоило таких страстей.

Парадоксально, что Юрий Долгорукий был мало привязан к основанному им самим городу. Об этом можно догадываться уже потому, что он не последовал примеру своего прадеда — Ярослава Мудрого, дававшего свое имя основанным им городам, и не назвал свою крепость Юрьевым, как сделал это, основав город Юрьев-Польский, где воздвиг церковь в честь святого Георгия Победоносца — своего ангела.

И вообще Москва еще некоторое время называлась Кучкой, лишь потом за нею утвердилось название «Москва», вероятно, угро-финского происхождения, о значении которого лингвисты спорят и по сей день.

Кое-что князь Юрий Владимирович в Москве все-таки построил: храм Иоанна Предтечи под Бором и церковь Спаса на Бору. Но главным сооружением основателя Москвы были, несомненно, деревянные стены Кремля, за коими могли находить себе защиту крестьяне окрестных сел и новые поселенцы.

Однако эти стены не были не то что «белокаменными», но даже не дубовыми, потому что таковые, по летописному сказанию, построены уже Иоанном Калитою.

А потом... про Москву забыли. Нет никаких сведений, навещал ли Юрий Владимирович основанную им Москву, хотя

и есть известия, что он временами проходил по ее земле. Он даже умер не в своем Суздальском Залесье, а в Киеве.

О наружности и характере Юрия Татищев писал:

«Был роста не малого, толстый, лицом белый, глаза не велики, великий нос, долгий и покривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев».

А о смерти создателя нашей Москвы летопись киевская говорит, что он на другой день Николина дня (10 мая 1157 года) пировал у своего боярина:

«Пив бо Гюрги в осменники у Петрила, в ть день разболеса и чрез пять дней умер».

Скорби у населения это не вызвало: киевляне не любили северо-восточного Суздальского князя и на другой же день разграбили его дворы и перебили многих приближенных князя. Так что величие основателя Первопрестольной можно считать сильно надуманным потомками.

Но так уж случилось... Юрий Долгорукий правил своим уделом на рубеже двух эпох истории Руси: Киевской и Владимиро-Московской. По характеру — все еще родовой и дружинный князь, каких много было на Южной Руси, по склонности — уже совершенно новый тип правителя. Ему ничего не стоило выступить против родного старшего брата Вячеслава или племянника Изяслава в соперничестве за Киевский стол, и было совершенно безразлично, кто станет его союзником в походе-набеге: родич или чужак, он шел на стговор даже с половецкими племенами.

В довершение всего, Юрий Долгорукий был не слишком нежным отцом: во всяком случае, сыновья стремились как можно быстрее вырваться из-под его «опеки», а иногда даже переходили к отцовским соперникам. Бояре его ненавидели — и было за что: один пример с Кучкой чего стоит. Боярская дума при Юрии Долгоруком была чистой фикцией: мнение ее участников князя никогда не интересовало.

В тех городах, где еще сохранились и действовали народные веча, тоже доставалось от князя Юрия «по полной программе». Вольностей он не терпел, что неоднократно доказывал на практике самому «господину Новгороду Великому». И тем не менее

«собирателя земли Русской» из Юрия Долгорукого не вышло: не пришло еще для этого время.

Зато он проявлял невероятную активность в строительстве городов и возведении храмов. За очень ограниченный промежуток времени (с 1134 по 1152 год) заложил ряд новых городов: Конятин — при впадении Нерли в Волгу, потом Москву, в 1152 году строит Юрьев-Польский, переносит на новое место у Плещеева озера Переяславль, а в 1154-м появляется Дмитров (названный по имени сына). Во Владимире, Суздале, Переяславле, Юрьеве князь построил великолепные храмы.

Но за титулом «главного князя» Юрий Долгорукий отнюдь не гонялся, да и не дозрел до мысли перенести центр Руси с юга на северо-восток, как это сделали его потомки. Да что потомки! Сын Юрия, князь Андрей Боголюбский, предал разорению «мать градов русских», лишил ее великой святыни — иконы Богоматери, писанной евангелистом Лукою, и стал на смену Киеву обустривать Владимир-Залесский высокопрестольными храмами, теремами и золотыми воротами.

А Москва все еще оставалась в забросе и забвении. Три поколения Юрьева потомства новооснованный стратегический пункт не удаивали сделать постоянным стольно-княжеским городом, хотя время от времени и навещали, чаще всего — проездом.

Так и оставалась Москва фактически «бесхозной», пока знаменитый князь Александр Ярославич Невский не отдал ее в удел младшему сыну своему Даниилу. Но со времени утверждения здесь княжеского стола, и особенно с превращением Москвы в общерусский центр, стала культивироваться память ее основателя.

Князя, начиная с Даниила Александровича, называли своих сыновей Юриями, в честь Долгорукого. А царь Иван III сделал ангела его, Георгия Победоносца, гербом московского княжества.

Конечно, нам еще многое неизвестно, зато точно известно, что в 1147 году два князя весело пировали над Москвой-рекой, даже не думая о последствиях, которые будет иметь их пирушка. А мы это событие отмечаем ежегодно как День города... ▣

ЧЕЛОВЕК С ЗАКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Евгения Гордиенко

Родом из детства

Когда Миша был еще совсем маленьким, мать, всю жизнь терпевшая измены мужа, сказала: «Твой отец никого не любит. У него закрытое сердце». «А у меня тоже закрытое сердце? И я не буду никого любить?» — поинтересовался маленький Миша. «Да, наверное, и ты будешь таким. Это большое несчастье — никого не любить». «Ну и пусть. Главное — быть талантливым», — решил тогда про себя мальчик. В семье Зощенко дети росли с мыслью, что неталантливым быть неприлично. Творчеством в этой семье занимались все. Мать, Елена Иосифовна, сочиняла рассказы для газеты «Копейка», отец, Михаил Иванович, делал мозаичные панно и писал картины в духе передвижников.

Еще в юности Зощенко нагадали, что он станет знаменитым писателем, но кончит плохо... Вскоре он сам попытался приблизить свой конец. Получив за выпускное сочинение в гимназии — изысканное и цветистое — единицу с припиской «полная чушь», он проглотил кристалл сулемы. Его откачали, но о писательстве он больше не задумывался.

Разбитое сердце

Совсем юным Зощенко отправился добровольцем на германскую войну, заслужил пять орденов, чин штабс-капитана и порок сердца. Была газовая атака, и он, спасая людей, наглотался иприта. Добравшись до лазарета по дороге, усеянной трупа-

ми товарищей, попросил у сестры милосердия спирта и тут же потерял сознание. Доктор тогда сказал ему: «С больным сердцем вам нельзя пить ни капли». «Но у меня никогда не болело сердце!» — удивился Михаил. «Теперь будет», — резюмировал доктор.

Все, кто знал Зощенко, описывают его почти одними и теми же словами: «Красивое, смуглое лицо, темные глаза с волокой... Невысокий и очень изящный человек, он был всегда хорошо одет, но в нем не было вызывающего щегольства, ничего не выглядело с иголочки, но все прекрасно смотрелось...» Таким, наверное, и полюбила его юная жизнерадостная Верочка Кербиц-Кербицкая, с каштановыми кудряшками, вечно в чем-то воздушном и всегда при шляпке. Вера Владимировна Зощенко позже вспоминала: «Помню конец 18 года... Михаил приехал с фронта Гражданской войны... Пришел ко мне... в валенках, в коротенькой куртке... Топилась печка, он стоял, прислонившись к ней, и я спросила: «Что для вас самое главное в жизни?» Я, конечно, рассчитывала, что он скажет обо мне, но он сказал: «Конечно, моя литература!» Это было в декабре 1918 года. И так было всю жизнь!»

Михаил Зощенко

Почтальон, сапожник, литератор...

Расставшись с мыслью о карьере писателя, Зощенко с головой кинулся в омут «рабочей» жизни. Кем он только не был! После Февральской революции стал комендантом почты и телеграфа в Петрограде, затем служил секретарем полкового суда в Архангельске. После второй — Октябрьской — революции вновь оказался в Петрограде, но уже в «должности» сапожника. Как ни странно, но работа эта ему нравилась. Затем — снова война, на этот раз Гражданская. Судьба распорядилась так, что Михаил оказался в Красной армии, а его брат Владимир — в Белой... Вскоре Зощенко комиссовали по болезни сердца, и после этого он «примерил» на себя еще с десяток профессий: от инструктора по кролиководству и куроководству до сыщика в уголовном розыске. А в 1919 году Зощен-

ко пришел в литературную студию. В Петрограде, на углу Литейного и Спасской, стоял большой несуразный дом, принадлежавший богатому греку Мурузи, весь в каких-то арабесках и орнаментах. Некогда там проживал Мережковский, затем в доме располагалась организация эсеров, а после образовалась студия. Вначале это были просто курсы для переводчиков, но потом стало ясно, что большинство студийцев приходит не за тем, чтобы переводить чужие произведения, а чтобы прочесть собственные. Они стали называть себя «Серапионовыми братьями». Кроме Зошенко студию посещали Корней Чуковский, Константин Федин, Елизавета Полонская и многие другие. Зошенко не то чтобы стоял среди них особняком, но создал вокруг себя такой ореол, что его стали почитать за «некую особенность».

В студию приходили разные люди: и энергичные футуристы, и высокомерные формалисты. Приходил даже бездомный старичок, чтобы просто поспать в тепле. Однажды Зошенко посмотрел на спящего и сказал: «Вполне прелестный старичок!» Он подарил студийцам еще много выражений, ставших крылатыми: «Довольно свинство с вашей стороны», «Подпоручик ничего себе, но — сволочь».

«Я — Бондаревич!»

В 20-х годах Зошенко стал безумно популярен. Читатели воображали его балагуром, который по-простецки описывает разные случаи, не иначе как из собственной жизни: то в баню пошел, а у него одежду умыкнули, то «аристократку» в театр повел, а она давай пирожные есть дорожные... Словом, он представлялся своим в доску парнем.

По стране гуляло несколько десятков самозванцев, выдававших себя за Зошенко, на манер «детей лейтенанта Шмидта». Были среди них и брачные аферисты, поэтому Зошенко часто приходили письма от обманутых и разгневанных провинциальных девиц. Но в Ленинграде Зошенко знали в лицо и ни с кем не путали. Иногда, когда кто-нибудь особенно настырный начинал показывать на него пальцем и кричать: «Гы-ы-ы! Зошенко!», писатель пытался скромно и неуверенно откреститься от самого себя: «Вы не первый совершаете эту ошибку. Должно быть,

я действительно похож на писателя Зошенко. Но я — Бондаревич». Всенародная слава не радовала Зошенко — он понимал, что приобрел ее благодаря тому самому читателю-обывателю, который не видит грустных авторских слез в рассказах, а лишь смеется над уморительным слогом и комической ситуацией. Писатель же желал достучаться до публики, заставить увидеть нечто большее. Но находились и люди, которые считали, что ради пустой развлекательности Зошенко забывает о правдоподобию. Один из таких недоброжелателей, преуспевающий критик, однажды увязался за ним: «Товарищ, где вы видели такой омерзительный быт? Теперь, когда моральный уровень...» Он не договорил, потому что прямо посреди Литейного проспекта к их ногам упала обезглавленная тощая курица. И тотчас из форточки четвертого этажа ближайшего дома высунулся человек с безумными от ужаса глазами: «Не трожьте куру! Моя!» Зошенко остановился, чтобы посторожить пропажу. Наконец, человек выскочил из подворотни, поднял курицу и, не поблагодарив, помчался к трамваю. И тут на писателя налетел другой человек, оказавшийся истинным владельцем курицы, и обвинил писателя в краже. Едва отбившись, Зошенко обратился к критику: «Теперь, я думаю, вы сами увидели...»

Болезнь души

Как-то Корней Иванович Чуковский сказал: «Миша, вы самый счастливый человек в СССР. У вас молодость, слава, талант, деньги. Все 150 миллионов населения страны должны жадно завидовать вам». Зошенко ответил: «А у меня такая тоска, что я уже третью неделю не прикасаюсь к перу. И никого из людей видеть не могу».

К сорока годам приступы тоски сделались совершенно невыносимыми, Зошенко не мог ни есть, ни пить. Он измучился и стал походить на собственную тень. Попытавшись однажды посетить психиатра, писатель навсегда разочаровался в медицине, потому что врач, не знавший, кто пред ним, посоветовал пациенту почитать что-нибудь веселое, например рассказы Зошенко...

И тогда Зошенко стало понятно, что выбраться из депрессии он сможет только собственными силами. Под руку

как раз попала книга Фрейда «Теория неврозов». Метод показался Зоженко интересным, и он стал перетряхивать собственное прошлое...

...В юности он с соседкой Ксюшей гулял по парку. Пошел ливень, бежали реки воды, и Миша вдруг ощутил такой ужас, что припустил бежать к какой-то беседке. Ксения потом сказала: «Убежать первым, бросить женщину! Все кончено между нами!» Но не рассказывать же ей было о мучительном сне, преследовавшем его с раннего детства: он бежит, спасаясь от бурных потоков воды, и вдруг из-за угла — рука с ножом. Он знает эту руку — нищий, вечно торчащий на паперти в церкви по соседству с домом...

Зоженко, следуя советам Фрейда, долго пытался разгадать этот сон. Страх перед водой остался, скорее всего, после того, как он в шестилетнем возрасте видел утопленника, нищий — вечный ужас перед нищетой, витавший над семьей. Нож тоже объясним — однажды Мише сделали операцию без наркоза, и вид скальпеля был страшнее боли. Рука? В детстве мать хлопала его рукой по губам, когда он уже в двухлетнем возрасте тянулся к груди. Она приговаривала: «Нельзя! Нельзя!» Рука матери, лишавшая еды. Вот в чем дело! Он потому и дошел до дистрофии: двухлетним крохой он узнал, что есть — плохо...

Ему говорили, что самолечение — занятие опасное, но факт есть факт: никаких приступов тоски, зверский аппетит и прекрасный сон! «Каждое утро я просыпаюсь теперь счастливым, — гордился Зоженко. — Каждый день для меня праздник, день рождения. Никогда я не испытывал такого безграничного счастья!» Он жаждал поделиться историей своего выздоровления с другими людьми и задумал автобиографический роман «Перед восходом солнца». Эта книга для него была делом всей жизни...

Заход солнца

Когда началась война, ему было 47 лет, но с больным сердцем на фронт его все равно не взяли. Оставшись в Ленинграде, он больше всего боялся не за себя, а за свои рукописи, которые несколько раз чуть не сгорели. И еще он боялся, что погибнет, не дописав книги.

В 1943 году в журнале «Октябрь» вышли первые главы романа, и разразился скандал. Психология ведь не была почитаема в СССР, а уж психоанализ и подавно. Журнал «Большевик» писал: «В Советской стране не много найдется людей, которые в дни борьбы за честь и независимость нашей Родины нашли бы время заниматься «психологическим ковыряньем»... Как он мог написать эту галиматью, нужную лишь врагам нашей Родины?..»

Травля продолжалась. В августе 1946-го в знаменитом постановлении ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» Зощенко назвали пропагандистом «пошлости и аполитичности». Его выгнали из Союза писателей и из всех журналов, в которых он печатался. Устроиться на работу ему было невозможно, но каждое утро он исправно находил в почтовом ящике письма и деньги. Народная любовь не покидала его, и призрак нищеты, замаячивший перед ним, мог бы отступить... Но... Зощенко впал в прежнюю хандру, перестал есть, к нему вернулся его кошмарный сон, а с ним и болезнь.

После долгого отсутствия он появился на публике только в 1958 году, на праздновании юбилея Горького. Его не узнал почти никто — так сильно он изменился, не было почти ни одной прежней черты.

Вскоре он стал путать слова и многое забывать, но 21 июля к нему вернулась осмысленная речь: «Как странно, Верочка, как странно... Как же нелепо я жил...» — сказал он жене, положив на ее руки голову. Ночью его не стало.

Смерть не лишила Михаила Михайловича его сомнительной особенности — притягивать всякого рода абсурд. На панихиде высокопоставленный товарищ заявил: «Зощенко был патриотом, другой на его месте изменил бы Родине, а он не изменил». «Товарищи! У гроба не положено, так сказать, разводить дискуссии, — это был уже следующий, — но я не могу, так сказать, не ответить». Все это перекрыл вопль вдовы: «Зачитайте же телеграммы!» Шум, смятение, неразбериха... Строго по Зощенко...

Рассказ о сатире так и хочется начать словами: «Этот человек никогда не улыбался». В данном случае это было бы почти правдой, но самому Зощенко вряд ли понравилась бы стоящая на грани штампа фраза. Он вообще не любил банальностей... ☐

Ричард Коннель

Человек в клетке

От автора

Писатель, пишущий короткие рассказы, только подглядывает в замочную скважину жизни и записывает то, что увидел. Будьте поэтому снисходительны к нему. Он замечает только то, что может заметить, и описывает так, как может.

Я очень горжусь тем, что мои рассказы переведены на русский язык. Я глубоко чту великих представителей русского искусства. Жизнь была бы ужасна без литературы, без живописи, без музыки, без чувства юмора.

Льщу себя надеждой, что мои рассказы понравятся русским читателям.

Целый день Гораса Ниммса держали в стальной клетке. Двадцать один год он сидел на высоком табурете в своей клетке, и разные люди совали ему бумаги через окошечко, достаточно большое, чтобы протаскать сквозь него морскую свинку.

Каждый вечер, в пять тридцать, Гораса выпускали и разрешали ему идти отдыхать в его квартирку в Флэтбуше. На следующее утро, в восемь тридцать, он снова возвращался в свою клетку, вешал панаму ценой в два доллара восемьдесят девять центов на крючок и сменял синий саржевый пиджак на лоснящийся шерстяной пиджак. Затем оттачивал два карандаша, пока графит не становился тонкий, как иголка, несколько раз расчеркивался мелким красивым почерком, поворачивал ручку арифмометра, проверяя ход, и приступал к своей ежедневной работе.

Горас обладал математическим складом ума. Его чаровали десять арабских цифр, их комбинации и превращения. В его ушах «шестью шесть — тридцать шесть» звучало как поэма

Горас был скромным человеком, но втайне гордился, что его запирали в клетку с деньгами. Значит, он опасный человек, раз принимаются такие меры предосторожности. Однако опасным он не был. Более спокойного и надежного кассира не найти нигде между Спойтен-Дьювилем и Тоттенвилем.

Горас Ниммс был немного лыс, носил старомодное пенсне с цепочкой, перевязывал рукава рубашки подвязками цвета лаванды, носил большой кошелек и карманную приходя-расходную книжечку в красном переплете, считал свою контору самой крупной в мире, а председателя компании Орена Гаммера — великим человеком. Обожал свою жену и двух подрастающих дочек, мечтал о коттедже на Лонг-Айленде с несколькими грядками бобов и свеклы и зарабатывал свои сорок долларов в неделю.

Горас обладал математическим складом ума. Его чаровали десять арабских цифр, их комбинации и превращения. В его ушах «шестью шесть — тридцать шесть» звучало как поэма. Когда в ненастные ночи ему не спалось, он разгонял бессонницу, пробуя разделить в уме 695481209 на 433. Днем же изобретал новую усовершенствованную систему калькуля-

ции для своей фирмы «Объединенная мыльная корпорация», известной во всем мире под названием «Мыльного треста».

Горас верил в свою систему, но не верил в Гораса Ниммса. Поэтому продолжал работать в своей клетке и получал только нравственное удовлетворение, потому что для него это был храм цифр, скиния умножения, алтарь сложения и вычитания. Цифры порхали в его голове так же просто и естественно, как пчелы вокруг липы.

Когда по утрам со звоном захлопывалась дверь клетки, он чувствовал себя так, точно был дома, забывал личные заботы и огорчения в потоке единиц, десятков и тысяч. Жонглируя миллионами кусков мыла и тысячами долларов, он забывал о том, что на следующей неделе должен платить за квартиру, что Полли, его жене, нужно новое платье, что при заработке в сорок долларов в неделю можно питаться только бычачьей печенкой и надеждами.

Часто в метрополитене по дороге в контору он думал, что, если бы решился попросить Орена Гаммера выслушать его и рассказал о своей калькуляции, то его жалование, несомненно, увеличилось бы до сорока пяти долларов. Но председатель Гаммер, кабинет которого находился этажом выше кассы, был от Ниммса дальше, чем созвездие Плеяды. Чтобы попытаться увидеть его, надо было пройти сквозь нескончаемую инквизицию упрямых секретарей. Кроме того, мистер Гаммер имел репутацию самого занятого человека в Нью-Йорке.

— Каждое утро я мою лица сорока миллионам людей, — говорил он.

Горас Ниммс не решался подойти к мистеру Гаммеру из-за своей робости. Председатель был такой величественный, властный. Его резкость в обращении отпугивала Гораса, его великолепный цилиндр ослеплял маленького кассира и лишал его дара речи.

Однажды утром Горас вошел в свою клетку, скинул потертый саржевый пиджак, на мгновение задумался о том, что надо в будущем сезоне купить новый, поправил подвязки на рукавах и быстро произвел на арифмометре несколько сложных вычислений для собственного удовольствия.

Ему недолго пришлось просидеть на высоком табурете. Какой-то незнакомый человек пристально рассматривал его через стальные прутья. Человек этот спокойно поставил стул рядом с клеткой и разглядывал маленького кассира испытующим взором орнитолога, изучающего новую разновидность эму.

Горас забеспокоился. Он знал, что все счета у него в порядке и все деньги налицо, до последнего цента. Ему нечего бояться, тем не менее, ему не нравилось, что этот человек смотрит на него.

«Если ему нужно сказать мне что-нибудь, почему же он молчит?»

Он готов был спросить наблюдателя, какого черта ему, собственно, надо, но Горас был неспособен на грубости. Он начал нервно подводить итог колонки цифр и немало удивился, заметив, что под холодным взглядом допустил ошибку в простом сложении. Он бросил злобный взгляд на незнакомца, который уставил на него свои бледно-голубые глаза.

Незнакомец был совершенно лысый, его гладкий череп, казалось, блестел, как ананас в лучах солнца. В выпуклых голубых глазах было какое-то рыбье выражение: бесстрастное и голодное, как у акулы. Не будучи на самом деле толстым, таинственный наблюдатель казался пухлым и жирным, может быть, благодаря своей манере потирать маленькими холеными ручками округлость живота.

Горас Ниммс старался сосредоточиться на цифрах, которые он так любил выравнивать стройными рядами, но его взор все время невольно возвращался к человеку с рыбьими голубыми глазами. А тот продолжал гипнотизировать его, как удав кролика.

Через полчаса Горас не выдержал и вежливо обратился к незнакомцу:

— Может быть, я могу быть вам чем-нибудь полезен?

— Продолжайте свою работу, — ответил незнакомец, — не обращайтесь на меня внимания. Я здесь по распоряжению мистера Гаммера...

Не спуская взгляда с Гораса, он встал и просунул в отверстие визитную карточку. Горас прочел:

Ученый экстраординарный эксперт, автор трудов «Выбор профессии» и «Как воодушевить служащих»

Он сразу забеспокоился. До него дошли слухи о человеке, который шныряет по конторе, подвергает служащих странным испытаниям, выгоняет одних, перемещает других. Но Горас чувствовал, что двадцать один год, проведенный за стальной решеткой, надежно защищает его от посягательств странного незнакомца. И вот теперь этот человек здесь, и он, Горас Ниммс, попал под его наблюдение.

Мистер Коуэн снова сел и молчаливо наблюдал за своей жертвой. Горас попробовал углубиться в работу, но все валялось у него из рук, несмотря на старания забыть о мистере Коуэне и его пристальном взгляде.

Наконец день пытки окончился. Горас слез с высокого стула, снял подвязки с рукавов и надел свой поношенный пиджачок. Он был рад вернуться домой, в Флэтбуш. Полли, наверное, приготовила к обеду вареную бычачью печенку и хлебный пудинг, и они в сотый раз будут обсуждать план будущей постройки коттеджа.

Но мистер Коуэн поджидал его.

— Пойдемте со мной, прошу вас, — сказал эксперт.

Нахмутив брови, Горас последовал за мистером Коуэном в один из застекленных кабинетов-аквариумов, которые обычно устраиваются крупными конторами с многочисленными служащими и ограниченной площадью помещения. В аквариуме стоял стол и два стула.

— Садитесь, — сказал мистер Коуэн, — пожа-алуйста.

Горас сел. Мистер Коуэн сел напротив, его немигающие голубые глаза впились в Гораса, которого уже не защищала стальная клетка.

— Я должен подвергнуть вас испытанию, — сказал мистер Коуэн.

Горасу показалось, что сейчас ему будут выворачивать суставы большого пальца. Он замер. Мистер Коуэн вытащил из кармана мерку и, перегнувшись, измерил ширину лба кас-

**Горас сел.
Мистер Коуэн
сел напротив,
его немигающие
голубые глаза
впились в Гораса,
которого уже
не защищала
стальная клетка**

сира, затем приложил мерку к разграфленной таблице. Потом тщательно измерил оба уха Гораса. Приложил мерку к его носу. Измерил окружность его черепа. Результаты повергли его в большое смущение, он записал их на листке и целую минуту, не отрываясь, изучал написанное. Потом мистер Коуэн сосредоточил внимание на корявых руках Гораса. Измерил их, дважды пересчитал пальцы, обследовал оба больших пальца и снова записал несколько слов в листок обследования. Горасу показалось, что он уловил одно слово: «механический».

— Теперь, — торжественно произнес мистер Коуэн, — произведем обследование ваших умственных способностей.

У Гораса Ниммса на лбу выступили капельки пота, а мистер Коуэн вытащил секундомер и положил на стол лист бумаги.

— Прочтите его, пожалуйста, — сказал он, придвигая лист к Горасу. — Вам дается пять минут на его заполнение.

Подавленный, близкий к обмороку, Горас схватил лист и лихорадочно принялся за работу.

Если Джордж Вашингтон открыл Америку, напишите название главного города штата Небраски.

Если его прозвали отцом отечества, сколько будет 49×7 ?

Перечислите трех президентов Соединенных Штатов в алфавитном порядке, но не делайте этого, если лед горячий.

Отбросьте следующие три вопроса, за исключением двух последних:

Сколько будет $6 \times 9 = 54$?

Как называется столица Омахи?

Проставьте пропущенные слова в следующих фразах:

«Раскалывая ..., я упал в ... через ...»

«Не кусай ..., которая тебя кормит».

Сколько вам лет? Помножьте это число на год рождения.

Напишите свое имя и зачеркните все согласные.

Назовите три растения.

Горасу Ниммсу показалось, что он плутал в этом лабиринте вопросов меньше минуты, но мистер Коуэн резко сказал:

— Время истекло, — и отобрал у него лист. — Теперь испытаем ваши ассоциативные способности, — продолжал он, вынимая еще один лист с проворством фокусника, извлекающего кролика из шляпы. — Я буду говорить слова, а вы в ответ называйте слово, которое придет вам в голову.

Горас облизнул сухие губы, а мистер Коуэн, нажав на секундомер, начал:

- Устрица.
- Бычачья печенка, — пробормотал кассир.
- Этаж.
- Флэтбуш.
- Мыло.
- Куски.
- Деньги.
- Сорок пять.
- Вверх.
- Вниз.
- Человек.
- Клетка.
- Очень интересно, — заметил мистер Коуэн. — Надо заняться разработкой результатов.

Горас не сдержался и вздохнул.

Когда он добрался домой во Флэтбуш, опоздав к обеду, то не оценил хлебного пудинга, хотя пудинг был отличный, с изюмом. И заснул он не скоро, несмотря на огромное количество перемноженных девятизначных чисел. Он думал, каково будет в его годы оставить клетку, если этого захочет мистер Коуэн. И во сне его преследовали глаза, холодные, как у совы.

Он думал, каково будет в его годы оставить клетку, если этого захочет мистер Коуэн. И во сне его преследовали глаза, холодные, как у совы

На следующий день, по-прежнему сидя в своей клетке, Горас Ниммс неожиданно получил повестку, что после работы состоится общее собрание служащих по организационному вопросу.

Собрание созвал мистер Коуэн, который, расточая во все стороны улыбки, говорил:

— Друзья мои, для некоторых из вас не секрет, что мистер Гаммер был не совсем доволен тем, как идут дела в его конторе. Он чувствовал, что здесь много бесполезной затраты времени и денег, что ни размах дела, ни его доходность не таковы, какими могли бы быть. Он пригласил меня, чтобы обнаружить причину этих дефектов и водворить порядок в конторе, довольство и воодушевление среди служащих.

Смею надеяться, что я успешно повел дело. Я произвел некоторые исследования и сделал интересное, прямо-таки удивительное открытие. Большинство из вас занимается не своим делом.

Иллюстрирую это примером. Вчера я освидетельствовал умственные способности одного из вас. Я нашел, что он принадлежит к типу служащих-одиночек, затворников. Но он все-таки работал, сидя в клетке. Вот в этом-то и была загадка. Может ли он там быть использован по назначению? Нет. Тогда мне пришло на ум удачное решение задачи. Он находился не в той клетке. Поэтому я перемещу его из математической в механическую клетку — перевожу его на место лифтера. Это, вероятно, удивит вас, друзья мои, но завоевания науки всегда удивляют непосвященных. Этот человек больше двадцати лет оперировал с цифрами, а измерением его больших пальцев я доказал, что он склонен к механической работе и будет много счастливее, работая при лифте. Я обнаружил у одного из лифтеров типично-математический склад ушей и поэтому перевожу его в клетку кассира. Сперва ему, конечно, будет трудно, но мы посмотрим, мы посмотрим.

Мистер Коуэн улыбался, а служащие с сочувствием смотрели на Гораса Ниммса.

Когда собрание закончилось, тихая грусть охватила сердце маленького кассира, и он, как автомат, спустился в метро. Дома съел хлебный пудинг, в очередной раз не почувствовав его вкуса, и попробовал вместе с Полли помеч-

тать о том, что когда-нибудь у них все-таки будет собственный коттедж на Лонг-Айленде. У него не хватило духу рассказать жене о случившемся, да и сам он плохо понимал, что, собственно, произошло.

Утром Горас старался думать, что все это шутка, но, подойдя к своей клетке, увидел, что другой человек занимает храм сложения и вычитания. Он робко подергал стальные прутья двери. Человек обернулся и воинственно спросил:

— Вам чего надо?

Горас Ниммс узнал отвисшую челюсть бывшего лифтера Гуса и отошел с болью в душе. В голове стучала одна мысль: он должен служить, должен занимать какое-то место, любое место. Много ли можно отложить на черный день, живя на сорок долларов в неделю? Он и представить себе не мог, что можно работать где-то, помимо «Объединенной мыльной корпорации». Поэтому, сам хорошо не зная, как это случилось, он скоро облачился в сине-серую форму лифтера. Все утро ездил он вверх и вниз в своей клетке: двадцать этажей вверх — двадцать вниз, двадцать вверх — двадцать вниз.

В полдень он остановил клетку на восемнадцатом этаже и принял двух пассажиров. Горас сразу узнал их. Один был Джим Райт, помощник председателя Гаммера, другой — мистер Перрин, заведующий западным отделением. Они оживленно беседовали.

— У этого парня броня, как у черепахи, и повадки гремучей змеи, — говорил мистер Перрин.

— Не забывайте, — напомнил Райт, — что он знаменитый и авторитетный эксперт. Хозяин верит ему во всем.

— Ну, он перестал бы так слепо верить, узнав, что Коуэн посадил лифтера на место кассира. Я слышал, что новый кассир, не проработав и часа, положил в карман шесть тысяч долларов и исчез.

— У этого парня броня, как у черепахи, и повадки гремучей змеи, — говорил мистер Перрин.
— Не забывайте, — напомнил Райт, — что он знаменитый и авторитетный эксперт. Хозяин верит ему во всем

Горас наострил уши и поставил регулятор на самый тихий ход.

— Да неужели? — всполошился Джим Райт. — И так у хозяина сегодня скверное настроение. Когда я уходил от него, он говорил: «В делах компании так же много систем, как в куске сыра. Подумать только, эти высоко оплачиваемые фрукты не могут ответить мне, какова средняя себестоимость и продажная цена куска мыла!»

Тут лифт остановился, и Горас выпустил собеседников...

Как новичка, его в тот же день оставили на вечернюю работу. Ровно в 6.00 дважды коротко и резко звякнул звонок лифта. Горас, изучавший правила управления лифтом, понесся на восемнадцатый этаж. Вошел только один пассажир, и у Гораса занялся дух. Он узнал пальто и цилиндр председателя компании.

Стиснув зубы, Горас повернул рукоятку, и лифт начал опускаться. Семнадцатый, шестнадцатый, пятнадцатый, четырнадцатый, тринадцатый, двенадцатый... И вдруг быстрым поворотом рукоятки он остановил лифт между двенадцатым и одиннадцатым этажами, ловко опустил в карман контрольный ключ и обернулся к председателю.

— Вы ни черта не понимаете в управлении лифтом, — хмуρο заметил тот.

— Конечно, не понимаю, — произнес Горас громким странным голосом, сам не узнавая его. — Зато я знаю себестоимость куска «Детского розового мыла».

— Что это значит? Кто вы такой? — Великий человек был скорее удивлен, чем рассержен.

— Ниммс, — коротко ответил Горас. — Двадцать один год я служил кассиром на семнадцатом этаже. Теперь по распоряжению мистера Коузэна лифтер...

Мистер Гаммер нахмурил брови.

— Итак, вы полагаете, что можете сообщить мне, во сколько обходится нам кусок «Розового детского»?

— Послушайте, мистер Гаммер, — начал Горас. — Западные фабрики выпустили в прошлом году 9576491 кусок «Розового детского туалетного». Себестоимость куска составляла...

И так далее.

Горас сел на своего конька. Цифры и статистические данные так и сыпались с его языка, подробности, детали, которые он до того держал закупоренными в себе, вырывались наружу. Ведь он знал все дела компании. Орен Гаммер слушал его с интересом, время от времени вставляя короткие вопросы. Горас давал короткие ответы. Закусив удила, он забыл и о блестящем цилиндре, и о решительном подбородке человека, который каждое утро умывал сорок миллионов физиономий. Горас боролся за право вновь занять свою клетку и говорил с небывалым красноречием.

— Черт возьми! — воскликнул Орен Гаммер. — Да вы знаете все дела лучше меня. А Коуэн сказал, что у вас совсем не математический ум. Завтра утром первым же делом загляните ко мне в кабинет.

На следующий день Горас Ниммс, в своем черном парадном сюртуке и новом галстуке, был немедленно допущен в кабинет председателя. Он старался держаться спокойно, но страшно волновался.

— Берите сигару, Ниммс, — сказал Орен Гаммер, двигая к нему ящик с сигарами, которые Ниммс видел лишь в мечтах.

Потом председатель позвонил секретарю и, когда тот появился на пороге кабинета, распорядился:

— Позовите сюда мистера Коуэна.

Через некоторое время в кабинет вошел сияющий экстраординарный эксперт.

— Добрый день, мистер Гаммер, — почтительно проговорил он и остолбенел, увидев Ниммса.

— Пожалуйста, мистер Коуэн, — величественно произнес председатель, — прежде чем вы уйдете, познакомьтесь с мистером Ниммсом. Он изобрел для нас новую систему калькуляции. Пройдите с ним в кассу, он выдаст вам расчет... ▣

Из книги «Человек в клетке», 1928 г.

Публикация Владимира Соколовского

Полиглот, МУЗЫКАНТ... ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Денис Логинов

Мальчишка учился в школе и мечтал быть полицейским. Мало ли кто в детстве не мечтал стать знаменитым сыщиком, ловить преступников и расследовать загадочные преступления! Только дело в том, что мальчишка родился слепым и учился в специальной школе, где таких детей, как он, обучали не бороться с преступниками, а побеждать самих себя, злую и несправедливую природу.

Сегодня Саша Ван Лоо — сотрудник федеральной полиции Бельгии в Антверпене, известном, среди прочего, как и все портовые города, высоким уровнем преступности.

Ему 39 лет, у него сын и дочь, хотя он в разводе. Но сейчас свое счастье и успехи по службе Саша связывает с новой любовью, журналисткой фламандского радиоканала.

О себе Саша говорит, что он на четверть русский. Его бабушка Нинель Францева была во время войны депортирована из Украины на работы в Германию, вышла замуж за бельгийца и осталась в Европе. Бабушку, с которой Саша разговаривает по-украински, он обожает и вместе с ней выступает в самодеятельности бывших советских граждан — поет и играет на баяне. Кроме того, блестяще владеет самыми разными музыкальными инструментами — от фортепиано до шотландской волынки. Уважает творчество Бернеса, Козловского, Юрьевой, Кристалинской, наслаждается красотой мелодий песен военных лет.

У него есть пес-поводырь Чаво и говорящий навигатор. Они облегчают жизнь, экономят время и энергию хозяина. Саша ими очень доволен, но, правда, и без них вполне самостоятелен. Мы беседуем по-русски в его антверпенской квартире.

— Мне очень повезло, что родители отдали меня в специальную школу в Голландии, где я обучался с 5 до 12 лет, — говорит Саша. — Там подход к обучению был прагматичным. Нас готовили жить самостоятельно в реальной жизни: сразу стали выводить на улицу, учили самих себя обслуживать, готовить себе еду. Я очень люблю мясо и часто его жарю. Для слепых есть такой приборчик: когда наливаешь чай в стакан, он подает звуковой сигнал, чтобы не облиться и не обжечься. Очень полезная вещь. Но надо уметь обходиться и без нее.

Он очень хорошо учился, и еще в школе государство подарило ему компьютер с клавиатурой Брайля, а напротив его парадного вместо камня на мостовой уложили резину. Так проще было с палочкой найти свой дом

Когда студентом я решил жить отдельно от семьи, мама очень переживала. У нее сохранилась славянская беспокойная забота о детях, и она до сих пор пытается меня опекать.

Саша Ван Лоо

Конечно, я благодарен родителям за заботу обо мне, но я все же привык жить самостоятельно.

Саша в одиночку совершил путешествия в Канаду и Чили. Слетал к родственникам в Киев. В Каире учился арабской музыке и совершенствовал свой арабский язык, на севере Финляндии изучал творчество народа саами.

Чувству юмора он придает особое значение и постоянно пересыпает свою речь шутками.

— Не считите за высокопарность, но, если вы, обладая каким-то серьезным недостатком, хотите выжить в этом мире, вам необходимо сильно развитое чувство юмора. Иначе жить будет гораздо труднее. Слепой нередко попадает в неловкие

и неприятные ситуации, когда без юмора не обойтись. Например, вы начинаете разговор, и вдруг оказывается, что никого рядом с вами нет, вы говорите в пустоту. Не надо отчаиваться! Просто улыбнитесь. И в полиции без юмора тоже не обойтись, ведь это эмоционально тяжелый труд. Иногда на допросах слышишь такие гадости, такие ужасные вещи, такие страшные истории! Надо научиться защищаться от негатива, иначе можно сойти с ума.

Саша рано почувствовал вкус к изучению иностранных языков и после школы окончил двухгодичные курсы переводчиков в Антверпене. Но на курсах язык преподавали как рабочий инструмент, что его не устраивало, и он продолжил образование в университете Гента.

Когда он работал переводчиком, ему приходилось бывать в бельгийских тюрьмах и общаться с бывшими советскими ворами в законе, которые искренне недоумевали, почему он категорически отказывается от попыток всучить ему в знак благодарности пару сотен долларов

— Язык надо любить, если хочешь изучить его по-настоящему. Одной практической мотивировки мало. Для меня музыка и языки были всегда тесно связаны друг с другом. Я слышал какие-то песни, какую-то красивую народную музыку и говорил себе: хочу это петь, хочу играть эту музыку и хочу знать язык, на котором она звучит. Поэтому я стал учить сербский, румынский, венгерский. Вот только арабский — особый разговор. Мне очень нравится арабская культура и музыка, а так как в полиции очень нужны специалисты по борьбе с терроризмом, я стараюсь изучить этот язык как можно лучше.

Всего Саша владеет девятью языками, даже начал было изучать тувинский.

— Зачем? — удивился я.

Оказывается, очень понравилось тувинское горловое пение. Попасть в Туву так и не довелось, но в Бельгии побывал тувинский художественный коллектив, и Саша научился этому пению у тувинских артистов.

У Саши большой переводческий опыт: социальный переводчик для иностранцев при школах и больницах, приличный переводчик официальных документов. Именно в качестве присяжного переводчика его часто приглашали в полицию. А однажды он прослышал о том, что Министерство внутренних дел планирует брать на работу в полицию слепых, в расчете на их хороший слух. Не очень поверил и даже пошутил, что, наверное, будут брать еще и глухих, в расчете на их хорошее зрение. Но слух оказался правдой, и в 2007 году его пригласили на тестирование, после чего приняли на работу. Сам Саша допускает, что это был какой-то популистский ход политиков накануне выборов, но ему в любом случае повезло — детская мечта вдруг стала реальностью.

— Что означает моя работа? В следственном процессе любой элемент должен быть изложен на бумаге. Даже сейчас, когда стали проводиться аудиовизуальные допросы, они должны быть записаны на бумаге. Раньше этим занимались следователи, теперь привлекли нас. И я настаиваю, что моя работа по преимуществу административная. Понимаю, конечно, что вам надо увлечь вашего читателя какими-то приключенческими деталями, но подчеркиваю, что продолжаю работать переводчиком и еще занимаюсь следственным прослушиванием телефонных переговоров. В этом нет ничего особенного. Одна американская газета написала про меня: «Слепой Шерлок Холмс». Какая глупость! Да, моя работа важна. Она позволяет ускорить процесс следствия и быстрее задержать преступника. Но она велась и до меня.

— Но ты же участвовал в раскрытии преступлений...

— Да, я причастен к этому процессу, но не надо преувеличивать. Не забывайте, я родился слепым и с раннего детства привык обращать на звуки особое внимание. Слепой ориен-

**В пятилетнем
возрасте он
уронил игрушку
и скомандовал
бабушке:**

— **Поддай!**

**Но мама
опередила
бабушку:**

— **Возьми сам.**

— **Но я же слепой!**

— **Ну и что?**

**Ты и в темноте
можешь найти
игрушку,**

**а бабушка ночью,
в отличие от тебя,
не сможет.**

**С тех пор он
старался многое
делать сам**

тируется с помощью слуха. Он может сравнивать и узнавать конкретные голоса, обращая внимание на звуковой фон, которому зрячий часто не придает значения. Иногда сотрудникам полиции даже трудно узнать, какой это язык. Однажды нужно было определить человека по акценту, и коллеги предположили, что он марокканец. Они ошибались, я знаю марокканский акцент, это был совсем другой. Я предположил, что балканский, скорее всего, албанский, и оказался прав. Он действительно был албанцем, и я помог найти его быстрее. Хотя, думаю, полицейские в конце концов задержали бы его и без меня.

В интернате их учили быть готовыми ко всему. Одно из первых упражнений — пятилетних слепых мальчишек сажали на коляски, которые скатывались в бассейн. Как говорил Саша, это было не самое трудное испытание

Журналисты, прослышав о слепом полицейском, в последнее время не обделяют его вниманием. Саша принимает прессу без особого удовольствия, но считает это делом необходимым.

— Мне не надо такой «рекламы», — говорит он. — Я просто хотел бы спокойно работать для себя, для своего профессионального удовлетворения. Почему я встречаюсь с журналистами? Конечно, вас привлекает факт работы в полиции слепого человека. Это ведь необычно и интересно. Но в мире много слепых и слабовидящих людей. Им очень сложно найти работу, хотя многие обладают большими способностями и могут быть очень полезными обществу. Так

обстоит дело не только в Бельгии, в России тоже. Я переписывался с одним русским переводчиком, который как-то написал про себя: «Я слепой, но ведь не тупой!» Конечно, у нас есть свои особенности. Слепой не может делать все то, что делает зрячий, и никто с этим не спорит. Но компьютер открыл для нас новые двери в мир. Среди слепых есть замечательные программисты, ничуть не хуже зрячих. Есть и другие специальности, но, к сожалению, работодатели боятся нанимать слепых людей. И я хочу, чтобы благодаря вам нас услышали: мы можем существовать в современном мире и приносить пользу. Мы стараемся, и нам нужно только немного вашего внимания. ▣

ФРЕСКИ ПИНТУРИККО В ВАТИКАНСКИХ ЗАЛАХ БОРДЖА

Ирина Опимах

В мировой истории не так много персонажей, чьи имена стали нарицательными — на ум сразу приходят Клеопатра, Макиавелли, Наполеон. И среди этих героев, оставшихся на века в памяти человечества, — семейство Борджа, давно уже ставшее символом порока, коварства, безжалостности и цинизма. Портреты этих выдающихся негодяев, как ни странно, можно увидеть в самом святом для католиков месте, в Ватикане, в так называемых апартаментах Борджа, где их образы запечатлены замечательным художником Пинтурикко.

История папского престола не всегда была историей благочестия и бескорыстного служения Господу, но, пожалуй, на этом ярком фоне более всего выделяется папа Александр VI, в миру Родриго Борджа. Это был поистине невероятный человек, по масштабу своих деяний, как положительных, так и отвратительных, вполне соответствовавший эпохе Возрождения, породившей титанов Зла и Добра, Величия и Низости.

Родриго ди Борджа родился в 1430 году в городке Хатива, недалеко от Валенсии. Ему крупно повезло — не получивший практически никакого религиозного образования, он в 25 лет стал архиепископом Валенсии. А произошло это потому, что его дядя Алонсо ди Борджа был в то время папой Каликстом III, он и назначил своего племянника на этот почетный пост. (Поговаривали, что папа был отцом Родриго, потому и проявлял к юноше столь трогательную заботу.) Благодаря опеке дядюшки Родриго Борджа быстро шел вверх по карьерной лестнице. Перед самой своей смертью Каликст вызвал его в Рим и обеспечил ему кардинальскую мантию. Родриго при-

Мадонна,
поклоняю-
щаяся мла-
денцу. Пин-
туриккьо с
ассистен-
том, 1500 г.

вез в Италию и свою давнюю валенсианскую пассию Ванощу Деи Каттаней — он поселил ее в Венеции, в роскошном дворце. Красавица Ваноща стала матерью его четырех детей: Чезаре, Джованни, Лукреции и ДжофFRE.

Кардинал Борджа, умный, честолюбивый, прекрасно разбирающийся в людях, коварный и корыстный, становился все более влиятельной фигурой в Риме. Все папы, правящие Ватиканом после смерти Каликста, ценили его и всегда

советовались при принятии важных решений. При этом все знали, что во дворце кардинала устраиваются страшные оргии, что там бывают самые дорогие куртизанки Рима, что он не отказывает себе ни в чем, но, удивительное дело, Борджа прощалось все!

В 1492 году, когда умер папа Иннокентий VIII, кардинал Борджа решил, что пора и ему стать папой. Он вступил в борьбу за папский престол, благо его поддерживал испанский король Фердинанд, которому очень хотелось иметь в Ватикане своего человека. У Борджа были опасные противники — семейство делла Ровере. Но кардинал Родриго проявил все свои лучшие качества политика — тех выборщиков, которых можно было купить, он купил — за 50 тысяч дукатов, а тех, кого нельзя было купить, — убил или отравил.

Борджа был непростой, противоречивой личностью, в его жизни были не только пороки, но и вполне благие дела. Став папой, он прежде всего одарил своими заботами Рим. Благодаря ему повысился уровень жизни, причем не только богатых, как это обычно бывает, но и бедняки вздохнули с облегчением. Папа делал многочисленные пожертвования из собственного кармана, заботился о безопасности в городе, создал четко работавшую полицию и суд, во главе которого стояли четыре доктора права, готовые карать преступников. Папа покровительствовал университету и поддерживал ученых. Поощрял он не только науки, но и искусства — по его заказу в Риме было создано множество шедевров. Укрепив свой город, он начал борьбу за власть во всей Италии. Ему не терпелось подчинить себе не только Рим, но и другие города Апеннинского полуострова. И все это шло на пользу Ватикана. В Европе знали об этой стороне деятельности папы и ценили его, но для его многочисленной паствы также не было секретом, что папа Алек-

При этом все знали, что во дворце кардинала устраиваются страшные оргии, что там бывают самые дорогие куртизанки Рима, что он не отказывает себе ни в чем, но, удивительное дело, Борджа прощалось все!

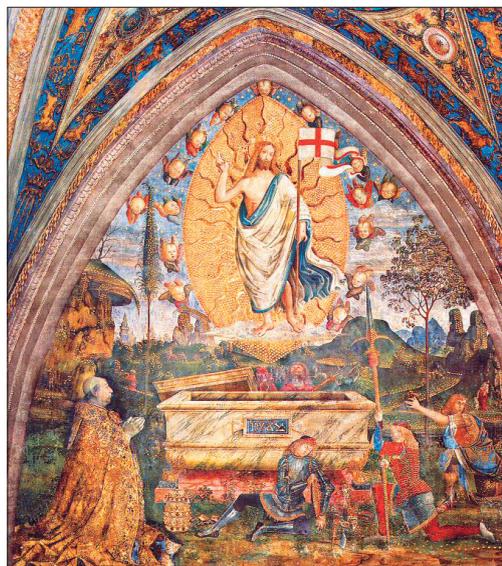
сандр — настоящее исчадие ада. Его понтификат вошел в историю католичества как позор церкви.

Став папой, Александр повелел построить в Ватикане башню Борджа с роскошно отделанными просторными апартаментами, по его указу был также расширен второй этаж папского дворца, и к трем ранее существовавшим станцам добавились три новые. Расписывать залы папа пригласил своего любимого художника Бернардино Пинтуриккьо (автора знаменитой картины «Портрет юноши», хранящейся в Дрезденской галерее). Едкий Вазари пишет, что этот художник отличался умением работать быстро и при этом угодить заказчику, причем порой в ущерб качеству своих творений. Понтифик сам выбирал сюжеты фресок. Залы так и называются: Зал сивилл, Зал таинства веры, Зал жития святых, Зал наук и искусств, Зал мистерий и Зал римских пап. За моделями художник далеко не ходил — ими стали сам папа, его дети, любовницы Ваночца деи Каттанеи и сменившая ее в сердце любвеобильного понтифика Джулия Фарнезе, а также целая свора приближенных. Глядя на эти совершенные образы, трудно поверить, что моделями художника были настоящие злодеи. Например, в Зале таинств веры на фреске «Воскресение Христа» сам папа в парадных одеяниях, рядом с ним в роли стражников изображены красавчик-распутник Джованни и кровожадный убийца Чезаре. Оба молодых Борджа выглядят так невинно! Святотатственным кажется образ непорочной девы Марии в композиции «Благоденствие» — в облике Богоматери легко угадывается дама весьма легкого нрава Ваночца, мать четверых детей папы. Джулию Фарнезе, вторую его подругу, мы видим на другой композиции, но в том же образе — «Мадонна с младенцем». Рядом с ней преклонил колени сам папа, ее пылкий поклонник. В Зале святых на фреске «Диспут святой Екатерины Александрийской с философами» в роли императора выступает Чезаре, а 14-летняя Лукреция, уже вовлеченная в злодеяния своего любимого братца, изображена в образе святой Екатерины. Кстати, выбор темы этой фрески кажется далеко не случайным — святая Екатерина считалась заступницей и защитницей незаконнорожденных детей, а у папы Александра таких было немало. Эта фреска, пожалуй, лучшая в залах Борджа. Пинтурик-

кью создал сложную композицию и насытил ее самыми разными фигурами. Действо происходит на фоне прекрасного пейзажа. В центре — огромная арка, украшенная быком, символом дома Борджа, слева на троне под балдахином — император, а перед ним с распущенными волосами Екатерина, защищающая принципы христианства, справа — философы и просто горожане, пришедшие послушать высокоученый спор. Все это собрание очень живописно, кажется, Пинтуриккьо сумел заставить краски светиться...

Эти станцы (залы) Борджа, или, как их еще называют, апартаменты Борджа, пользовались дурной славой. О них в народе ходила страшная молва. Действительно, именно здесь происходили события, благодаря которым Борджа и вошли в историю.

Четверо детей папы, его любовницы — Ваночца де Каттанеи и Джулия Фарнезе, — а также целая свора придворных, охранников и наемных убийц были действующими лицами драм и трагедий, разыгрывавшихся в ватиканском дворце. Здесь, в апартаментах Борджа, среди этих настоящих шедевров мирового искусства, 12 июня 1493 года состоялась первая свадьба Лукреции (ей было тогда 13 лет). Папа часто использовал Лукрецию в политических целях, вот и в тот раз замужество дочери должно было послужить укреплению его влияния в Европе. Итак, дочь Александра VI, получившая прекрасное образование, умная, очаровательная девушка, выходила замуж за Джованни Сфорца, графа Пезаро, представителя могущественного семейства неаполитанских Сфорца. Кого только не было на торжестве — аристократки, римские матроны,

Воскресение Христа, Пинтуриккьо, XV в.

именитые капитолийские граждане, дипломаты, кардиналы и, конечно же, сам счастливый отец.

Лукреции новый муж не очень понравился, и она, запугав супруга взрывами ревности Чезаре, проявлявшего к сестре отнюдь не братский интерес, удалила его из Ватикана. Сфорца решил, что лучше сохранить жизнь, чем эту коварную красотку, и бежал к себе в Милан. Лукреции тогда было всего пятнадцать лет. Ее тонкое аристократичное лицо, пышные волосы, соблазнительные формы сводили с ума всех мужчин, которые встречались на ее жизненном пути, включая и родственников. Чезаре, для которого погубить человека никогда не составляло проблемы, а порой вызывало удовольствие, был страшно ревнив и не терпел, когда его сестренка дарила нежность кому-то кроме него. В марте 1489 года он убил в Тронном зале папского дворца Педро Кальдеса, предполагаемого любовника Лукреции. 18 августа 1500 года в Зале сивилл от рук наемных убийц погиб второй муж Лукреции Альфонс Арагонский, герцог Бишелье. Поговаривали, что и Джованни, своего брата, тело которого нашли в Тибре, тоже погубил коварный кардинал Чезаре — боялся соперника в политике и в любви, ведь оба брата претендовали на внимание обворожительной Лукреции, а также на помощь и поддержку могущественного отца.

Александр Дюма в своей повести «Борджа» писал: «Лукреция была достойная пара своему братцу. Распутница по складу ума, нечестивица по темпераменту и честолюбица по расчету, она всегда страстно желала удовольствий, дифирамбов, почестей, золота, драгоценностей, шелков и роскошных дворцов. Она обладала головой Рафаэлевой мадонны и душой Мессалины, она была дорога Родриго — в ней, как в зеркале, он видел отражение собственных страстей и пороков. Потому Чезаре и Лукреция были его любимчиками, и все вместе они составляли дьявольское трио...»

Лукреция прекрасно чувствовала себя в покоях Ватикана. Она вмешивалась — с позволения Александра — в политику, подписывала приказы, раздавала награды, и, видно, делала это довольно толково. Отец возложил на свою одаренную умом и красотой дочь политическую функцию, сделав ее регентшей Сполето, а в 1501-м — наместницей Сермонеты. Его несколько

не смущал ни ее возраст, ни ее пол — Борджа все было дозволено! И Лукреция смогла на этих постах не надеть глупостей, только вот предпочитала все-таки жить в Ватикане, да и отец не хотел отпускать ее от себя. Конечно же, не все время Лукреции было отдано государственной деятельности. Собрав вокруг себя самых развращенных дам Рима, она развлекалась, и развлечения ее трудно назвать благочестивыми. Разврат, убийства, отравления неугодных — об этом написаны целые романы!

Но однажды Лукреции все это надоело. Она устала. Выйдя замуж за графа Альфонса д'Эсте, она удалилась в Феррару и стала вести почти праведную жизнь, покровительствуя при этом поэтам и художникам и поощряя их в написании картин на религиозные сюжеты. Лукреции было суждено пережить и отца, и братьев, и Пинтуриккьо, умершего в 1513 году в сиенском монастыре Святого Франциска.

Папа Александр VI покинул бранный мир в 1503 году. Говорили, что Родриго отравили его же ядом. Якобы он задумал за один присест погубить с помощью своих излюбленных средств сразу нескольких неугодных ему кардиналов. Зная, что они побоятся прийти к нему на ужин, попросил устроить празднество в доме кардинала де Карнето, которого тоже предполагал отправить к праотцам. Однако план не удался, в дело вмешалась случайно узнавшая о готовящемся злодеянии женщина, влюбленная в Карнето, и отравленное вино попало в чашу папы и его сына Чезаре. Папа скончался в своих покоях после четырехдневной агонии, а сильный Чезаре, который к тому же любил пить вино, разбавляя его водой, выжил. (Правда, современные историки полагают, что, вероятно, папа умер все же от малярии, и Чезаре тоже заразился этой болезнью, но выздоровел.) После смерти отца Чезаре успел отправить своих людей в Зал науки и свободных

**Лукреция была
достойная пара
своему братцу.
Распутница
по складу ума,
нечестивица
по темпераменту
и честолюбица
по расчету,
она всегда
страстно желала
удовольствий,
дифирамбов,
почестей, золота,
драгоценностей,
шелков
и роскошных
дворцов**

искусств, чтобы завладеть ключами от папской сокровищницы до прихода кардиналов. Это было последнее преступление, совершенное Борджа в Папском дворце. Выздоровев и вспомнив о том, что ему нравится воевать, Чезаре отправился на войну, покорять независимые итальянские города. Он уже оккупировал Романью, став ее правителем, и подступался к Флоренции, когда удача отвернулась от него, и в 1507 году он умер от пули наваррских партизан.

А его сестра продолжала вести размеренную жизнь в Ферраре. Говорили, что она стала очень набожной, делала щедрые пожертвования местным монастырям и проводила часы в молитвах. Наверное, ей было о чем говорить с Богом. Она ушла из жизни в 1519 году, когда ей было 39 лет.

Удивительное дело — после смерти Александра VI папы, пришедшие ему на смену, не захотели больше жить в его роскошных апартаментах. О них словно забыли — видно, прекрасно исполненные и вполне натуралистичные портреты членов клана Борджа слишком остро напоминали о страшных годах их правления. Но прошли годы, и в 1816 году папа Пий VII повелел устроить здесь картинную галерею — в залах разместили картины, захваченные наполеоновскими солдатами и возвращенные Ватикану после падения Бонапарта. В 1891 году папа Лев XII отдал приказ привести залы в порядок, отреставрировать фрески и разрешить публике посещение апартаментов Борджа, а в 1973 году, с благословения папы Павла VI, тут была открыта Ватиканская галерея современного искусства, украшением которой являются произведения таких мастеров, как Гоген, Шагал, Клее, Кандинский и другие.

Судьба членов семейства Борджа вдохновила многих писателей, драматургов, художников, композиторов, кинематографистов. О них писали романы и исторические исследования, ставили спектакли и фильмы, им посвящали стихи и музыку. Их имена остались в истории и в искусстве. Остались в истории и в искусстве и фрески Пинтуриккьо в апартаментах Борджа — прекрасные, гармоничные, одухотворенные и возвышенные, и теперь уже не так важно, что на них запечатлены лики самых знаменитых злодеев в мире. ■

ПОДЛИННЫЕ ПОДДЕЛКИ

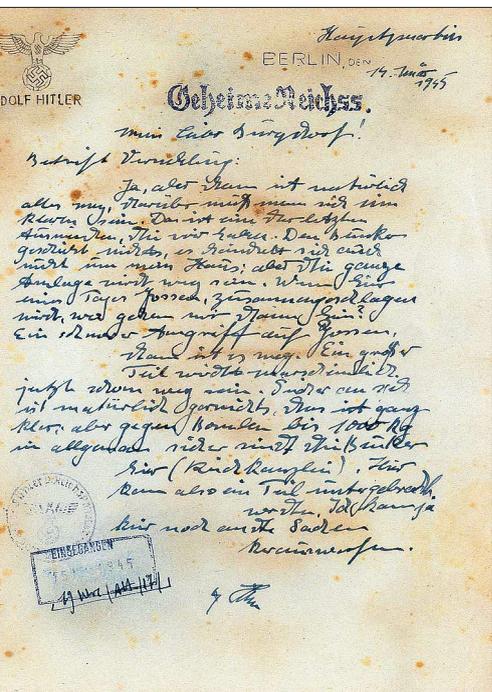
Захар Радов

Подделывать произведения искусства люди начали, наверное, еще в каменном веке, когда первый фальсификатор скопировал на стене пещеры приглянувшийся чужой рисунок мамонта, не защищенный авторским правом. С появлением в XX веке мирового рынка произведений искусства это занятие стало особенно прибыльным. Фальсификатор, или, как его еще называют, имитатор, должен быть талантливым человеком. Ведь для того, чтобы подделать картину известного живописца, нужно не только прекрасно рисовать, но и обладать множеством других знаний.

Встречаться с подделками работ известных мастеров стражам закона приходится часто. Гораздо реже они сталкиваются с мошенниками, которые подделывают... тех, кто подделывает знаменитых живописцев.

Имитаторы имитаторов

Никто не сомневается в таланте Конрада Куйау. Этот одаренный художник ловко подделал дневники Гитлера и множество дорогих картин. Если бы Конрад не умер в 2000 году от рака, он бы, несомненно, испытал чувство гордости за свою внучатую племянницу Петру, которая сейчас сидит в тюрьме. Петра Куйау провинилась тем, что сотни раз подделывала подпись знаменитого деда на дешевых копиях известных полотен Каналетто, Моне и голландских мастеров. Фальшивая подпись Куйау позволяла выдавать картины, стоящие не больше 10 евро, за подлинники и увеличивала эту стоимость в 300–350 раз! Всего Петра Куйау ухитрилась продать через виртуальный аукцион более 500 подделок деда на общую сумму свыше 550 тысяч евро.

«Дневник Гитлера», К. Куйау

Полиция узнала о мошеннице три года назад от одного из учеников Конрада Куйау, который обратил внимание на то, что за последний год в Интернете появилось очень много предложенных продаж известного имитатора.

Конрад Куйау, художник и торговец старинным оружием, прославился в 1983 году. Он стал автором сразу двух громких сенсаций: сначала убедил авторитетный немецкий журнал Stern и другие не менее солидные издания в разных странах напечатать отрывки из тайного дневника Гитлера, который ему якобы удалось найти совершенно случайно. Stern напечатал выдержки, сопроводив их высокопарным комментарием: теперь, видимо,

придется переписывать историю XX века.

Через две недели последовала вторая сенсация. Анализы бумаги и чернил неопровержимо доказали, что дневники являются подделкой. Куйау арестовали, судили и дали за подлог три года тюрьмы.

Выйдя на свободу, Конрад еще больше упрочил свою славу. Он взялся подделывать картины знаменитых живописцев и их подписи. Чтобы опять не угодить за решетку, Куйау всегда ставил где-нибудь в незаметном месте и свою подпись. Так что обвинить его в мошенничестве было крайне трудно.

В картинной галерее Castle Galleries, расположенной на втором этаже лондонского Harrods, не так давно прошла выставка картин с необычным названием «Подлинные под-

делки». На ней были выставлены копии картин известных художников, выполненные Джоном Мьяттом.

Посетителей выставки «Подлинные подделки», восторгавшихся известной картиной Клода Моне «Мост в Аржантее», понять вполне можно. Не только их, неискушенных любителей живописи, но и специалистов из крупнейших картинных галерей и аукционных домов разных континентов почти десять лет водили за нос два Джона: Дрю и Мьятт, — авторы того, что детективы Специальной службы Скотланд Ярда, занимающиеся преступлениями в сфере искусства, назвали самой громкой аферой XX века в мире живописи.

От Брикстона до Harrods

Джон Мьятт родился 65 лет назад в графстве Стаффордшир в семье фермера. Отец мечтал, что сын пойдет по его стопам, но Джон, не понаслышке знавший, что представляет из себя труд фермера, не горел желанием становиться за плуг.

К тому же в планы о будущем вмешалась трагедия. Джон попал в аварию на мотоцикле и остался без ноги. Любивший рисовать с детства, он пошел в школу искусств, и там у него открылся настоящий талант. Оказалось, что он не просто хорошо рисует, но и отлично копирует стили других художников. В родном городке Сугнолл он начал преподавать рисование в местной школе. Жалованья школьного учителя едва-едва хватало, чтобы сводить концы с концами, и у него возникла идея поменять профессию. Джон Мьятт вспомнил о своем таланте подражать другим художникам и после долгих раздумий дал в 1983 году в журнал *Private Eye* объявление следующего содержания: «Подлинные копии картин XIX и XX веков за 150 ф. ст.».

Прошло совсем немного времени, и у него появились клиенты, которым особенно нравились семейные портреты в стиле Гейнсборо и Рейнольдса. Новая работа Джона вполне устраивала. Она не только приносила деньги, но и позволяла работать дома и уделять все свободное время детям.

После того как объявление поместили в *Private Eye* четвертый раз, Мьятту позвонил человек, представившийся Джо-

ном Дрю, профессором ядерной физики. Работа Джона пришлась ему по вкусу, и вскоре он стал его постоянным клиентом. Со временем выяснилось, что Дрю, которого тоже звали Джоном, никакого отношения к ядерной физике не имеет, а является владельцем небольшой картинной галереи.

Постепенно знакомство переросло в дружбу. Мьятт неоднократно приезжал в Голдерс Грин в гости к Дрю, а его картины Дрю развешивал на лестнице своего дома.

«Портрет военного врача», как и все остальные работы Мьятта, Джон Дрю также повесил на лестнице. Через несколько недель он позвонил приятелю, сообщил, что продал «Портрет военного врача» аукционному дому Christie's за... 25 тысяч фунтов стерлингов, и предложил Мьятту половину — примерно столько же, сколько Джон зарабатывал за год в школе.

Изумлению Джона Мьятта не было предела. Ему даже в голову не могло прийти, что подражания известным живописцам могут стоить таких больших денег.

Деньги от «Врача» помогли разом решить все его финансовые проблемы, так что предложение Дрю начать бизнес с поддельными картинами упало на благодатную почву.

Сначала Джон Мьятт никак не мог поверить, что опытные специалисты в Christie's не распознали подделку. Но потом он понял, что копирует чужой стиль достаточно хорошо, чтобы обмануть знатоков живописи.

Впрочем, особенно раздумывать над своим талантом Мьятту было некогда — Дрю засыпал его заказами. Их было так много и работать приходилось так быстро, что Джон был даже вынужден отказаться от масляных красок, потому что они слишком долго сохли, и перешел на быстросохнущие дешевые эмульсии. Для придания полотнам нужного блеска он разбавлял их гелем, который, так же как краски, можно было купить в любом хозяйственном магазине. Старину Джон Мьятт обеспечивал при помощи пыли из пылесоса и земли из сада. По совету Дрю, чтобы гвозди покрылись легкой ржавчиной, он, перед тем как забить в раму, погружал их в соляной раствор.

Первой «жертвой» криминального дуэта стал швейцарский сюрреалист Альберто Джакометти, выставка которо-

го как раз проходила в Ливерпуле. Джон Мьятт отправился в картинную галерею и долго стоял перед полотнами, как бы стараясь попасть под их «гипноз» (его собственные слова). Затем примчался домой и, даже не сняв плащ, схватил кисть и начал рисовать.

Работал он на совесть, не только досконально изучал стиль и характерные особенности «объекта», но и брал в библиотеке как можно больше книг о нем, чтобы знать, как тот жил и о чем думал.

Выполнив заказ, Мьятт ехал в Лондон, встречался с Дрю в каком-нибудь пабе и за пинтой пива передавал очередную картину.

Больше всего времени и сил Дрю уделял обеспечению подделкам напарника надежной легенды. При покупке картин коллекционеры и специалисты чаще всего обращаются к каталогам, наиболее полные из которых находятся в галерее Tate Modern и Victoria & Albert Museum. После того как Дрю пожертвовал галерее 20 тысяч фунтов стерлингов, благодарные кураторы разрешили ему пользоваться каталогом. Примерно так же (при помощи дара двух фальшивых картин) он сумел проникнуть и в архив, где «отмывал» работы Мьятта.

Он вставлял заготовленные карточки с описаниями несуществующих картин известных художников в картотеки, вклеивал снимки картин Мьятта, искал давно закрытые картинные галереи и «вносил» в списки выставлявшихся в них картин подделки. Дрю старался не упустить ни единой мелочи. К примеру, печатал все на старинной машинке на старой, пожелтевшей от времени бумаге, которая действительно была сделана в 50-е годы. Во время обыска у него дома нашли толстую тетрадь, в которой он тренировался подделывать подписи художников.

За семь лет (1987–1994 гг.) Дрю с Мьяттом реализовали десятки полотен Марка Шагала, Пабло Пикассо, Винсента Ван Гога, Бена Николсона, Альберто Джакометти, Жана Дюбюффе и Грэхема Сазерленда. В списке жертв мошенников оказались аукционные дома Christie's, Sotheby's, Phillips, большие и маленькие галереи, коллекционеры и поклонники живописи как в Европе, так и в Америке, Азии и Австра-

лии. Цена большей части подделок колебалась в пределах нескольких десятков — 100 тысяч фунтов стерлингов. А, например, одну картину Джакометти удалось реализовать на аукционе в Нью-Йорке почти за \$ 300 тысяч.

Конец преступной деятельности двух Джонов положила... женщина. Дрю поссорился с супругой и со скандалом развелся с ней. Во время одного из выяснений отношений он забыл в ее доме портфель с несколькими компрометирующими документами, которые бывшая миссис Дрю сразу же после его ухода отнесла в полицию.

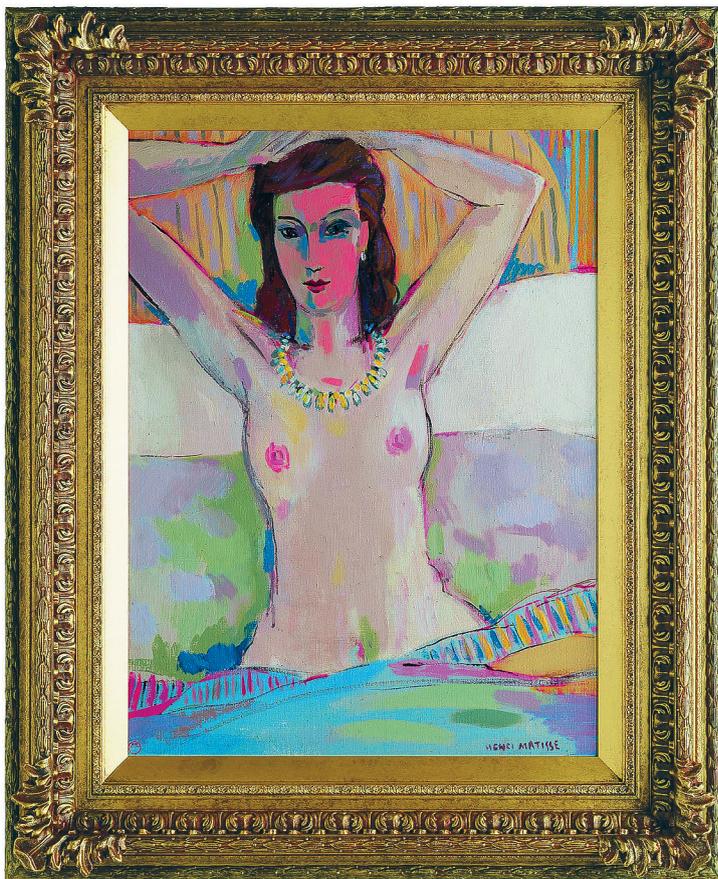
Дрю арестовали, но он ни в чем не признавался. Джон утверждал, что стал жертвой дьявольского заговора спецслужб, которые посредством продажи картин финансировали хорватов, воевавших с сербами.

На двух первых судебных заседаниях он имитировал сердечные приступы и довел судью до такого состояния, что тот пообещал провести третье заседание, даже если подсудимого придется доставить на носилках. Носилки не понадобились, потому что Дрю, выйдя на свободу под залог, бежал. Через несколько дней его случайно опознали на улице и вновь арестовали.

К Джону Мьятту полиция нагрянула на рассвете. Сначала и он ни в чем не признавался, но в его портфеле нашли неотправленное письмо к Дрю с описанием технических вопросов, которое вполне могло сойти в суде за письменное признание вины. Поняв, что дальнейшее отпирательство бесполезно, Мьятт во всем признался. Он не только предложил вернуть часть (18 тысяч фунтов стерлингов) нажитых нечестным путем денег, но и согласился помогать следствию.

На этих аферах Дрю заработал от 1 до 2,5 млн фунтов стерлингов, а Мьятт, по его же собственным подсчетам, около 275 тысяч. Всего было подделано более двухсот картин — найти удалось около 60. Получается, что владельцы 140 картин до сих пор не знают, что у них подделки, или не хотят признаваться в этом из опасения, что над ними будут смеяться.

В сентябре 1998 года начался суд. Раскаявшегося и помогавшего следствию Мьятта приговорили к 12 месяцам тюремного заключения, а Дрю, продолжавший и на суде все отрицать, получил шесть лет.

Анри Матисс, «Обнаженная с поднятыми руками», Дж. Мьятт

Наказание Джон Мьятт отбывал в тюрьме Брикстон. Ему повезло — работать его определили в тюремный лазарет. заключенные относились к нему неплохо и называли его Пикассо за то, что он в обмен на телефонные карточки рисовал их портреты.

За примерное поведение Мьятта освободили досрочно. На свободу он вышел через четыре месяца с твердым намерением никогда больше не брать в руки кисть. Однако уже

через несколько дней ему позвонил детектив-сержант, арестовавший его, и попросил нарисовать семейный портрет. Затем последовал заказ из прокуратуры, из суда и так далее...

Джон Мьятт вернулся к старому, только теперь, рисуя в стиле других художников, он подписывает картины своим именем. Первая выставка его подлинных подделок состоялась в 2005 году и прошла на ура. Оказалось, что они пользуются большим спросом. К примеру, мьяттовская «Женщина с фруктом», копия одноименной картины Гогена, была недавно продана за 12 тысяч фунтов стерлингов. Конечно, его «Мост в Аржантее» стоит не 42 млн фунтов стерлингов, заплаченные за оригинал Моне в мае прошлого года, но и 9,95 тысячи фунтов за несколько часов работы, по его мнению, тоже неплохо.

Мьятту уже шестьдесят пять. Он по-прежнему занимается творческой стороной, а деловую часть взяла на себя его вторая супруга Розмари. Дети уже выросли и живут отдельно. В свободное время Джон играет на органе в местной церкви и гуляет с бульдогом Генри. Он решил «завязать» с подлинными подделками и рисует только для самого себя.

Один из клиентов Джона Мьятта в Америке, который держит настоящего Ван Гога за пуленепробиваемым стеклом, попросил его нарисовать копию и повесил рядом. Никто из его гостей, а среди них немало разбирающихся в живописи людей, не смог отличить оригинал от копии.

С преступным прошлым Мьятт сейчас полностью покончил. Он даже помогает правосудию бороться с такими же, каким он был раньше, фальсификаторами известных художников. Кроме этого, он был ведущим 10-серийной телепередачи о живописи на британском телевидении, стал героем нескольких книг и скоро должен появиться на большом экране.

Известные британские сценаристы Дик Клемент и Йэн Ляфренас написали для Голливуда сценарий комедийного триллера с рабочим названием «Подлинные подделки», в котором роль Мьятта, возможно, сыграет Джуд Лоу, а Дрю — Клуни.

Что касается Джона Дрю, он так и не признал себя виновным. Организатор самой громкой аферы XX века в мире живописи отсидел весь срок и сейчас, в отличие от напарника, сторонится журналистов и никому не дает интервью. ■

Андрей ШАЦКОВ

Те женщины...

Те женщины приходят по ночам
Из прошлой жизни, из минувшей дали...
Их покрывают звездные вуали,
Струятся плащаницы по плечам.
Они из той загадочной страны,
Которую покинул ты однажды,
Не утолив с тех пор тоски и жажды...
На волчье притяжение луны —
Спеша, не пощадив кровавых ног,
Приняв межу за торную дорогу
И ощущая в сердце понемногу
Стальной зари расплавленный клинок.
Но речка заповедная текла,
И роща заповедная адела,
И женщина заветная летела,
Как бабочка, стучать в проем стекла!
Чтоб, поднимая бесприютный взор,
Услышав звон призывного набата,
Ты протянул к ней руки виновато,
Зрачки в зрачки уставивши в упор!
По щиколотку в травах, босиком,
Та женщина звала тебя обратно
В былую юность, где любилося жадно
И пахли губы теплым молоком...
Пусть женщины приходят на порог
Из прошлого, на позднее свиданье.
Чтоб было не напрасным ожиданье
Святой любви,
и да хранит их Бог!

Перед тем, как уйти

Перед тем, как уйти в немоту, в темноту,
Оглянусь и к коленям твоим припаду.
Захочу заповедать, сказать, объяснить,
Что у нашей реки, где зеленая сныть,

Где, не зная покоя, свистят кулики,
Где в прощанье слились две щеки, две руки,
В угасающем отблеске летнего дня,
Ты должна иногда вспоминать про меня!

Чтобы снова и снова шептала листва
Позабывтые в прошлом стихи и слова.
И звучали любви неземной голоса,
Поднимаясь туманом ночным в небеса.

Где на облаке светлом, под звездным венцом,
Будут ждать меня мама об руку с отцом.
Скажет мама: «Наверно, от суетных дел
Ты, как зазимок битый, мой сын, поседел.

Неужели никто в этом мире, сынок,
Приголубить тебя вместо мамы не смог?»
Перед тем, как навек улететь в синеву,
Поцелую сухими губами траву.

Где когда-то в следах потаенно-босых
Поутру высохали разливы росы.
Ворожила кукушка и пел Гамаюн,
Прославляя июнь, светозарный июнь!..

Не по первому снегу — последнему льду,
Я по россыпи белых ромашек уйду...

Вдохновенье

Когда туманы млечны и легки,
И утвердилось лето на престоле,
Как женщина, тропинкой вдоль реки,
Выходит утром вдохновенье в поле.
Как короток зари июньской век,
Вознесшей в небо вдохновенья пламя...
Но остановит время плавный бег
И пухом закружит над тополями.
И нежный абрис женского лица
Проявится в строке неясной тенью...
И нету слаще крестных мук Творца,
Спешащего навстречу вдохновенью!

Дорогие друзья!

В редакцию постоянно приходят письма со стихами наших читателей. И это неудивительно — «Смена» всегда уделяла внимание поэзии. Поэтому мы решили возобновить Конкурс одного стихотворения на страницах журнала.

Приглашаем тех, кто делает первые шаги в поэзии и еще не стал профессиональным литератором, принять в нем участие.

Лучшие стихи будут публиковаться на страницах «Смены». Итоги конкурса подведем в конце 2011 года, и наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Условия конкурса:

Объем до 150 строк.

Стихи присылайте по адресам: tomasmena@mail.ru,
127994, Москва ГСП-4, Бумажный проезд 14, строение 1.

Просим указывать ФИО, домашний адрес, профессию и возраст автора.

Владимир Бочаров

Знак судьбы

Как же хорошо в ненастную зимнюю ночь, когда за окном воеет холодный пронизывающий ветер и ветки деревьев гнутся под тяжестью навалившегося снега, сидеть на даче у камина в кресле-качалке и просто смотреть на огонь, ни о чем не думая! Тепло, уютно, тихо, лишь слабое тиканье часов на камине нарушает эту умиротворенную тишину.

Был уже поздний вечер. Мне хотелось смотреть на этот теплый домашний очаг, пламя которого то вскидывалось, то опадало, слабо освещая своими всполохами комнату, и, вытянув руки, согревать их перед огнем.

Рядом со мной находился только один член нашей семьи, которого я всегда брал с собой на дачу, — любимый пекинес Чап. Сколько себя помню, в нашей семье всегда жили собачки именно этой породы, и не случайно...

Чап то с отрывистым лаем описывал круги вокруг моего кресла, то укладывался рядом с таким видом, будто собирался устроиться у камина на всю ночь. Поглаживая его, я задумчиво смотрел на огонь, но вдруг очередной всполох пламени осветил стенку, на которой висела красивая резная полка. Ее вырезал еще мой отец, большой любитель резьбы по дереву, да и вся мебель на даче была сделана его руками. Отец, дед!.. Их давно уже нет, но и сейчас при одной мысли о них становится больно в груди.

Я встал, подошел к полке и взял в руки деревянную лаковую шкатулку, стоявшую на ней. Шкатулка была расписана весьма необычно, а на ее крышке была изображена собака, как две капли воды похожая на нашего Чапа. Эту шкатулку привез из Парижа еще мой прадед, ездивший туда по каким-то своим торговым делам. Зайдя в один из магазинчиков, он сразу увидел шкатулку с изображением пекинеса на крышке и, не удержавшись, приобрел ее.

Задумчиво разглядывая шкатулку, я подумал: «Да, странно устроен мир, все predetermined в этой жизни, и порой судьба посылает нам знаки, жаль только, что мы не умеем распознавать и понимать их...»

А началась эта история с пекинесами в далеком 1889 году...

...Сидя в деревянном кресле у окна, Тихон Захарыч Панков, купец второй гильдии, просматривал «Нижегородские вести».

Этому занятию он посвящал два часа по воскресным дням и очень не любил, когда его отвлекали. Зная крутой нрав хозяина дома, домочадцы старались не докучать ему своими разговорами.

Допив очередной стакан липового чая, Тихон Захарыч отложил в сторону газету и обратился к супруге, тихо сидевшей у окна, глядя на улицу.

— Серафима Филипповна, а где Василий?

— Да где ж ему быть, с утра в лавку ушел.

— Как же я разминулся с ним? Ведь хотел завернуть на Гороховую, да извозчик перебил своими разговорами, — огорченно произнес Тихон Захарыч.

— Да он к обеду вернется, тогда с ним и поговоришь,

— Серафима Филипповна поправила на покатых плечах теплую вязаную шаль.

Статная купчиха Серафима Филипповна, мать троих детей — Сергея, Василия и Настасьи, — была первой помощницей и советчицей своему мужу. В его отсутствие вела хозяйство сама и детей окружала вниманием и заботой. Старший, Сергей, уже имел свою семью и появлялся в отчем доме наездами. Он, как и отец, тоже был купцом и сумел организовать свое собственное дело. Василий, средний сын, только-только становился на ноги, проходя обучение в магазинах и лавках

отца — сначала мальчиком на побегушках, затем молодцом, а теперь уже приказчиком в лавке на Гороховой улице. Настасья, младший ребенок в семье, была еще очень молода, и ее обожали все домочадцы. Даже старый кот Барсик, почти всегда спавший на печи, разрешал трепать себя по косматой шерсти.

— А вот и Васенька, легок на помине. Пойду открою, — Серафима Филипповна поднялась со стула и, открыв дверь, выпустила сына в дом. — Не стой в дверях да и шапку сними, отец заждался, обедать пора.

Василий прошел в столовую, перекрестился на образа и подошел к отцу.

— Сынок, разговор к тебе имею, заодно и пообедаем, садись, — произнес Тихон Захарыч.

Обед удался на славу. Говяжий язык с хреном возбуждал аппетит, уха из окуней с пирожками была традиционным блюдом в семье Панковых, большая чугунная сковородка с кусками жареной щуки и глиняные тарелки с соленьями довершали воскресный обед.

— Не зря, сын, мы с твоим крестным потихоньку готовили тебя к нашему нелегкому труду. Вот в двадцать шесть лет ты и дошел до приказчика. Вижу, засиделся дома на печи, видать, пора тебе ехать на ярмарку, хватит уже мне, старику, мотаться по разбитым дорогам, — многозначительно начал Тихон Захарыч.

— Не рано ли ты его, отец, к купеческому делу одного допускаешь? — испуганно проговорила Серафима Филипповна.

— Я в его годы уже сам хозяйство вел и торговал, а он постепенно, под присмотром. Не переживай, Серафима. А кулебяка у тебя нынче удалась. Чайку свежего завари, мы сейчас вернемся, — ласково обратился к жене Тихон Захарыч.

Прикрыв за собой дверь, отец и сын уединились в кабинете.

— Василий, посылаю тебя на Ирбитскую ярмарку, правда, не одного, а с крестным твоим, Матвеем Петровичем. Он на ногу легкий, да и купец бывалый, не смотри, что в гильдии не состоит.

— Готов хоть сейчас ехать, — радостно проговорил Василий.

— Не торопись, недельки через две начнешь собирать-ся в дорогу, чтобы к открытию поспеть, — и Тихон Захарыч лукаво посмотрел на сына.

Василий весь сиял от радости — наконец-то сбывалась его давняя мечта стать настоящим купцом.

— Через две так через две, только дела передам Никифору, он не подведет, толковый.

— Денег тебе дам немного, ну и свои, конечно, возьмишь. Товар купишь, какой приглянется, настаивать не буду, у крестного совет бери, не стесняйся, чай не чужой тебе. Может, и знакомства какие сведешь, всякое бывает, поменьше болтай, побольше слушай, что говорят, присматривайся к торгу. В общем, учись, родной, а уж потом мы с тобой и Сергеем на Нижегородскую ярмарку в июле махнем, вот так, — учил сына Тихон Захарыч.

Затем все снова собрались за столом, и чаепитие возобновилось. Разговаривали о всяких пустяках, о городских новостях, о том, как идет торговля. Неожиданно в столовую вихрем влетела Настасья, веселая, раскрасневшаяся. Перецеловав всех домочадцев, она схватила с тарелки пирожок, быстро съела его и потянулась за следующим.

— Ты что к обеду опоздала? — строго спросил отец, слегка шлепнув ее по руке.

— Извини, папочка, с подружками заигрались, — надула губы Настасья.

— Ладно уж, на первый раз прощаю, но смотри, второго раза не будет, — снисходительно улыбнулся Тихон Захарыч.

— Василек, а тебе привет от Зинаиды, — хихикнула Настасья, загадочно поглядывая на брата.

Василий никак не отреагировал на слова сестры, всем своим видом показывая, что ему безразличны и какая-то Зинаида, и ее приветы.

Тихон Захарыч поднялся из-за стола, а Настасья продолжала:

— Смотри, братик, вот Зинаида возьмет да и обвенчается с Колькой, пока ты будешь плутать по сибирской земле.

— Сынок, давно хотела поговорить с тобой, да как-то времени не было. А теперь случай представился, — тихо произнесла Серафима Филипповна. — Тебе ведь нравится Зинаида?

— Мама, ты же знаешь, я своих чувств не скрываю, — заносчиво ответил Василий.

— А я думаю, не ровня она тебе. Слышала от соседки, что отец Зинаиды присмотрел ей жениха побогаче, сына купца Троекурова Николая.

— Я тоже купцом стану, а там посмотрим, отдадут Зинаиду за меня или нет.

Вечером после работы в лавке Василий пошел к Барсуковым. В семье купца первой гильдии Барсукова к нему относились тепло. Отец Зинаиды видел, как ловок и трудолюбив Василий, но в то же время говорил дочери, что она должна думать о более серьезном браке. Мать тоже была с ним согласна.

— Зинаида, — внушала она дочери, — посмотришь в зеркало, ты же красавица, должна себе цену знать и жениха выбирать богатого, чтобы баловал тебя и на твои прихоти денег не жалел.

Глубоко в душе Зинаида соглашалась с родными, что Василий со своим капиталом, в отличие от Николая, ей не ровня. Но отпускать его от себя ей очень не хотелось. Он был хорош собой и нравился всем девицам без исключения. А лучшая подруга Василиса даже заявила во всеулышание, что готова идти замуж за Василия, и ей все равно, сколько у него денег, хотя Василиса тоже была из богатой купеческой семьи.

Встретили Василия приветливо, усадили за стол, поболтали немного о том о сем, а когда Василий, прощаясь, вышел в коридор, Зинаида вызвалась проводить его.

Тесно прижавшись друг к другу, они шли по тихой безлюдной улице.

— Уезжаю я, Зинаида, вернусь не скоро, скучать по тебе буду. Зато заработаю кучу денег, и, когда вернусь, мы обязательно обвенчаемся, — с ноткой надежды в голосе произнес Василий.

— Куда же ты едешь? — с ехидцей спросила Зинаида.

— Отец посылает на Ирбитскую ярмарку за товаром, — важно ответил он.

— А не боишься меня здесь одну оставлять, вдруг просят?

— Чего бояться? Как будет, так и будет, все равно от судьбы не уйдешь, — отводя глаза, тяжело вздохнул Василий.

Две недели пролетели быстро. Собирали Васю в дорогу всем домом, даже Сергей по такому случаю приехал с женой к родителям.

— Ты, Василий, слушайся крестного, он подскажет, что к чему. А в извозчики даю тебе Тимоху и Ксенофонта — надежные ребята, не подведут. На двух подводах и доедете, — поучал старший брат.

Ранним утром мать вынесла во двор большой узел, в который были завернуты сухари, калачи и ватрушки, отец с братом заботливо уложили товар, предназначенный для продажи, благословили Василия на дорогу и перекрестили вдогонку удаляющиеся подводы...

Путь был неблизким, но ярмарка стоила того, чтобы, преодолев все трудности, расторговаться и вернуться домой с прибылью. По дороге к Ирбиту к ним присоединялись другие купцы, и вот уже целая вереница подвод тянулась в сторону города, торопясь к открытию ярмарки.

Наконец вдали показались очертания города и въездных ворот, за которыми краснели крыши купеческих домов и золотились церковные купола. Подводы лихо въехали на центральную площадь Ирбита и начали расплзаться по городским улочкам.

Василий с крестным и Саввой Петровичем подъехали к двухэтажному добротному дому, окруженному высоким забором, и крестный, стуча кулаком в ворота, громко крикнул:

— Евлампий, отворяй! Вы там что, спите все?

Раздался лай цепных собак, и ворота тут же распахнулись настежь. Навстречу приехавшим вышел хозяин, обнялся с крестным и помог завести во двор лошадей.

Вскоре гости уже сидели в столовой за большим самоваром. Вокруг них суетились Евлампий Сидорович и его жена, раскладывая на столе тарелки со всевозможной снедью. Василий сразу обратил внимание на расписную деревянную тарелку, на которой лежал нарезанный хлеб.

— Что, тарелка приглянулась? Это Прасковья расписывает посуду, она у нас на весь край кудесница, такую роспись не увидишь больше нигде, уж поверь мне, — с гордостью произнес хозяин.

— Удивительный рисунок, и роспись удивительная, — согласился Василий.

— Посуда — это что, вот как она горки расписывает, одно загляденье. Да и невеста на редкость красивая.

— Невест сейчас полно, только женись. Правда, не зевай — по себе сук руби. А то как бывает: обвенчались, а она бесприданница, да еще вертлявая и ленивая. Так и мучаются и родителей мучают. Или наоборот, жених пьяница или лодырь, ничего не хочет делать, только проедает, что родители нажили, вот после этого и кумекай, как венчаться, — наизда-тельно проговорил Савва Петрович.

— А все почему мучения? Родителей никто не почитает и не слушает, думают, что с отцовским капиталом горы свернут, а не получается, — многозначительно добавил крестный.

— Ладно, хватит о детях, они все одно с нами. Давайте лучше помозгуем, как торговать будем, цены в этот год не то что в прошлом, как бы себе в убыток не наторговать, — перебил их Евлампий Сидорович.

Засиделись за столом до позднего вечера, не один самовар был выпит за обсуждением, какие цены выставять, как пойдет торговля...

А на следующее утро купцы поехали на ярмарочный двор, сделать заявку на торговлю и открыть лавку, осмотреться и поболтать со старыми знакомыми. Место для лавки им досталось удачное — ближе к середине ярмарочной площади. Крестный тут же вызвал плотника, чтобы тот подбил доски, заделал щель в потолке и поправил петли, а сам с Василием принялся разбирать привезенный товар.

За этой суетой и разборкой товара время пролетело так быстро, что никто и не заметил, как наступил вечер.

— Вот, Вася, завтра с утра, часиков этак в пять, в лавку поедем. Пока товар разложим, пока открытие пройдет, а там и торговать потихоньку начнем...

Рано утром, как и обещал, Матвей Петрович разбудил Васю. Савва Петрович уже чаевничал с хозяином и ждал их. Перекусив на скорую руку, купцы вышли на улицу и двинулись в сторону ярмарки.

Ярмарочная площадь и прилегающие к ней улочки были буквально забиты людьми, а народ все прибывал, спеша к открытию.

Открытие Ирбитской ярмарки 1889 года началось со всеобщего молебна.

— Смотри, Вася, видишь, флаг поднимают. Если быстро развернется, хорошая торговля будет, если запутается, значит, плохо торг пойдет, — поучал крестный.

Флаг развернулся сразу, и все возбужденно закричали, подбрасывая вверх шапки и громко хлопая в ладоши.

Когда волнение приутихло, начался торг. Всюду раздавались звонкие голоса зазывал, народ вереницей сновал от одной лавки к другой, торгуясь, споря и ругаясь. От всей этой суматохи и обилия товаров Василий совсем потерял голову. В их лавке было столько покупателей, что он не успевал отвечать на вопросы, а крестный, поглядывая на него, лишь улыбался. Наконец он не выдержал и обратился к крестнику со словами:

— Ты бы пошел прогулялся, по лавкам посмотрел, что и как, к товару пригляделся, а я здесь присмотрю. Хотя торг и так идет как по маслу. Молодец для первого раза.

Василий обрадованно согласился и, выйдя из лавки, двинулся вдоль шумных рядов, с интересом рассматривая разнообразный товар, привезенный из самых отдаленных городов России. Кому не хватило места в пассаже, торговали с подвижных ларей, лавок и прикладов. Торговали всем: картузами, шапками, пимами, самоварами, мылом и воском, бийским и алтайским орехом, — и от этого изобилия и разнообразия дух захватывало. Ряды с мехами сурка, барсука, зайца, красной лисицы, белки, горноста, песца и соболя восхищали красотой и масштабом торга. Василий впервые увидел на ярмарке китайский леденцовый сахар, который был в несколько раз дороже меда. Оренбургские платки разных размеров, словно паутина, покрывали прилавки. Горы вятских, тагильских, невьянских, холмогорских сундуков, прялки, расписные дуги, игрушки и деревянная посуда занимали основную площадь ярмарочной территории. Пробираясь через людской поток, Василий поймал себя на мысли, что проголодался. Решив перекусить, он направился к пряничным лавкам и был буквально

но поражен изобилием пряников. Лепные пряники, конфарки, печатные пряники, силуэтные, вяземские, городецкие одним своим видом разжигали аппетит. Василий купил силуэтный пряник в виде терема и, жуя на ходу, направился в пассаж. В здании было тепло и намного богаче и красивее. Василию очень понравились большие вазы из калканской яшмы и фарфоровая посуда Матвея Кузнецова. Он не переставал удивляться, но в то же время внимательно присматривался к торгу. Наконец решил купить несколько мешков кедрового алтайского ореха, два цибика чаю, блинные сковородки, навесные замки, мед, леденцовый сахар и пряники.

Неожиданно Василий обратил внимание на стоявшую отдельно от сундучных рядов лавку, в которой торговали деревянной посудой.

— Что купец желает купить? Все есть для дома, а если нужда в чем-то или интерес, только скажи, из-под земли достанем, — приветливо встретил его хозяин лавки.

Ознакомившись с товаром, Василий приобрел два десятка деревянных ложек с необычной росписью.

— Просто загляденье! Кто же такие узоры расписывает? — спросил он у хозяина лавки Авдея Матвеевича.

— Это моя племянница красоту такую создает, — с гордостью ответил тот.

— Ну, что, Василий, прикупил что-нибудь? Давай хвались, — встретил Василия крестный, когда он вернулся в свою лавку.

— Да вот, ложки купил, — показал Василий покупку.

— Красивые, правильно делаешь, что в разный товар копеечку вкладываешь, — одобрил Матвей Петрович.

— Крестный, а ты что, почти весь мой товар продал? — удивился Василий.

— Как видишь. Не удивляйся, — хитро улыбнулся крестный. — Ты не беспокойся, мы ведь вместе. Пока к торгу приглядывайся, а вечером поговорим.

Торговля в первый день действительно шла бойко. До самого вечера у Василия больше не было возможности отойти от прилавка. А когда собрались за ужином, стали оживленно обсуждать торговые дела, подводить итоги и подсчитывать первую прибыль.

На следующий день, уже сам попросив крестного посмотреть за товаром, Василий решил снова пройтись по торговым рядам и заодно заглянуть в лавку с деревянной посудой. Увидев старого знакомого, Авдей Матвеевич приветливо поздоровался с ним.

— А это что такое? — с любопытством спросил Василий, рассматривая живописно разрисованные сундуки.

— Это горка из четырех сундуков, для белья и приданого.

— Какая красивая! Я хочу ее купить, — решительно произнес юноша, радуясь в душе, что, наконец, нашел подарок для своей возлюбленной.

— К сожалению, эта горка уже продана, на нее заказ с прошлого года, — как бы оправдываясь, проговорил Авдей Матвеевич.

— Какая жалость! Мне она так понравилась. Поймите, подарок нужен для одной девушки, и именно такой красивый.

— Не горюй, попросим Прасковью, она тебе к следующей ярмарке распишет сундуки еще краше, чем эти, — пытался успокоить молодого купца хозяин лавки. — На что тебе эта горка? Купи лучше расписное блюдо или шкатулку. Хотя постой-ка, есть у нас горка, только еще не расписанная. Если племянница согласится поработать, может, и поспеет к закрытию ярмарки, деньги лишними никогда не бывают. Приходи завтра, во второй половине дня, авось и сладится.

Как и договаривались, ближе к вечеру следующего дня Василий снова появился в посудной лавке. За прилавком стояла светловолосая привлекательная девушка. Она застенчиво посмотрела на него и слегка улыбнулась.

— Дочка, вот купец твоей горкой интересуется, рассказывает, что она нужна ему как воздух. Ответ какой держать будем? — обратился к племяннице Авдей Матвеевич.

— Не знаю, дядя, что и сказать, заказов много. Хотя попробовать можно. Только, пожалуйста, залог оставьте, краски и лаки надо купить.

— Я вам очень благодарен, спасибо, что выручили, — и Василий протянул девушке деньги.

— Завтра приходите, я образцы росписи принесу, — проговорила она, смущенно пряча деньги в карман.

После ужина Василий и крестный подытожили еще один прошедший день. Он тоже оказался удачным, и довольный Василий рассказал Матвею Петровичу, какие товары рассмотрел для покупки.

— Я, конечно, твой выбор одобряю, только завтра вместе пойдем за товаром, увидишь, как нашего брата могут обмануть, — сказал крестный.

— А еще я горку к отъезду заказал, подарок Зинаиде.

— Ну, что же, горка — подарок серьезный, со значением. Если решил, то давай покупай. А теперь пошли спать, завтра опять надо рано вставать.

Покупателей в лавке не уменьшалось, но, урвав время короткого затишья, Василий направился к Авдею Матвеевичу выбирать роспись для горки. Ему вдруг захотелось что-нибудь подарить Прасковье, и он купил по дороге большой пряник в виде райской птицы. Хозяина в лавке не было, за прилавком стояла одна Прасковья, да и товара значительно поубавилось — видимо, и у Авдея Матвеевича торговля хорошо пошла.

Поздоровавшись и положив пряник на прилавок, Василий обратился к девушке:

— А это вам.

— Ой, какой красивый! Такими пряниками меня только отец баловал, — восторженно воскликнула Прасковья.

— А где дядя?

— Он скоро придет, а пока посмотрите образцы, которые я принесла.

— Вот эта роспись очень хороша, пожалуй, я выберу ее.

— Приходите через три дня, раньше не успею. Вот мой адрес, — и Прасковья протянула Василию маленький листочек.

Трех дней Василий не выдержал, решил заявиться к Прасковье незваным гостем пораньше, полюбопытствовать, как идет роспись его горки, а главное, ему очень хотелось увидеть девушку. Купив по дороге вяземский пряник и кулебяку, он направился по указанному адресу и, подойдя к старому двухэтажному дому, постучал в дверь и прислушался. Раздались чьи-то легкие шаги, дверь открылась, и на пороге появилась миловидная женщина средних лет.

— Вам кого? — спросила она, придерживая рукой платок, накинутый на плечи.

— Я бы хотел увидеть Прасковью, она мне горку расписывает, — объяснил Василий.

— А, так это она для вас старается, — ласково проговорила женщина, приглашая его в дом. — Вы Василий? А меня зовут Глафира Авдеевна.

— Очень приятно, а это вам к чаю, — Василий положил на стол пряник и кулебяку.

— Спасибо, вот давайте и попьем чайку, пока Прасковья работает, — предложила хозяйка, кладя гостинец на деревянное блюдо.

— Это блюдо тоже Прасковья расписала? — с любопытством спросил Василий.

— Нет, его расписывала еще ее бабушка, ведь у нас в роду по женской линии все росписью занимались. Вот теперь дочка расписывает, а я что-то совсем слаба глазами стала.

За самоваром, незаметно для самого себя, Василий разговорился, рассказал Глафире Авдеевне о том, что это его первая поездка на ярмарку по просьбе отца и что в будущем он обязательно станет купцом первой гильдии. Тут в столовую вошла Прасковья, увидев Василия, вежливо поздоровалась и, густо покраснев, присела к ним за стол.

Когда чаепитие закончилось, она повела Василия в свою мастерскую. Это была большая и светлая комната, на многочисленных полках стояли еще не расписанная деревянная посуда и шкатулки разных размеров. Вдруг серая ситцевая занавеска, разделявшая мастерскую на две половины, зашевелилась.

— А там кто? — поинтересовался Василий и двинулся к занавеске.

— Там ваша горка, но до завершения работы я никому не показываю то, что расписываю, — остановила Василия девушка.

Вдруг из-за занавески с лаем выскочила маленькая лохматая собачонка и бросилась к хозяйке.

— Что это за порода? Отродясь таких не видел, — удивился Василий.

— Это Тилька, пять лет назад друг отца, китайский купец, подарил мне эту собачку на именины. Вот с тех пор она с нами и живет.

Поговорив еще немного о ярмарке, Василий откланялся и пообещал приехать через два дня.

— Ну, как твоя горка, расписывается? — спросил дома крестный.

— Да, Прасковья принесла образцы, и я выбрал рисунок. Ну и мастерица же она! Оказывается, у них в роду по женской линии все занимались росписью посуды и сундуков. Да и собачка у нее диковинная, — восторженно рассказывал Василий.

Шел уже третий день ярмарки, и Василий с крестным поехали закупать товар. Прав оказался крестный: если бы не он, молодого купца обязательно обманули бы. Вместо первосортного красного кедрового ореха ему пытались продать старый пожухлый вперемешку с черным. Хорошо, крестный вовремя остановил. Пришлось идти к другому купцу, давнему приятелю крестного, и покупать орехи у него. Затем они купили два бочонка липового меда из колод, чай, два десятка навесных замков, блинные сковородки, пряники, леденцовый сахар и вяленую нельму. Сестре Вася решил подарить красную лисицу, при этом долго торговался и проверял мех, чтобы не подсунили залежалый товар. Матери, жене брата и жене крестного купил по красивому платку, а отцу и брату — байховый чай, самый дорогой...

Через два дня он с утра пораньше поехал к Прасковье. Когда Глафира Авдеевна открыла дверь, в ноги Василию тут же бросилась Тилька. Встав на задние лапки, она завялила хвостиком, прося лакомство. Василий вытащил из кармана заранее заготовленный ржаной сухарик, и собачка, схватив его, убежала в комнату.

— Видать, признала вас, вон как ластилась, — довольно проговорила хозяйка. — А вы пройдите в мастерскую, Прасковья там, работает.

Василий прошел в соседнюю комнату, поздоровался с Прасковьей и медленно приблизился к горке. Гладкие бока сундуков были так необычно и красиво расписаны, что он не выдержал и погладил их рукой.

— Вы приезжайте на следующий год, я вам еще такую горку распишу, — тихо произнесла Прасковья, прислонившись к дверному косяку.

— Обязательно приеду. Если к тому времени у вашей собачки будут щенки, оставьте для меня одного, пожалуйста. Очень уж эта порода мне приглянулась.

— Непременно оставлю, только приезжайте. А сейчас пойдемте чаю попьем, мама уже заждалась.

Сидя за столом, Василий чувствовал себя в обществе двух женщин так хорошо и уютно, что совсем не хотелось расставаться с ними. Наконец он встал из-за стола, расплатился за работу, перенес сундуки в повозку и, попрощавшись, поехал домой.

Крестный, Савва Петрович и хозяин долго рассматривали покупку, удивляясь и восторгаясь необычной росписью.

— Действительно, мастерица! Какая умелая работа! — не сдерживал своего восхищения крестный. — Зинаида не сможет остаться равнодушной, обязательно оценит твой подарок. А теперь давайте укладываться, завтра предстоит трудный день.

Проснулись на следующее утро рано, чаевничать отказались, вывели во двор лошадей и стали запрягать их.

— Василий, посмотри, случайно, не к тебе ли? — подталкивая локтем молодого купца, усмехнулся Савва Петрович.

Василий с удивлением обернулся и увидел стоявшую у ворот Прасковью.

— Ты что в такую рань, и одна? Что-нибудь случилось? — испуганно спросил он.

— Случилось, вот решила дать в дорогу надежного друга, чтобы оберегал от разной нечисти. Она ведь тебе так понравилась, береги ее. Но это не подарок, на следующий год, когда приедешь, привезешь Тильку обратно, только смотри не раскармливай ее. А это для твоей сестры подарок, — и Прасковья передала Василию собачку, которую держала в руках, и завернутую в платок шкатулку. — Обязательно возвращайся, я ждать буду, — не успел Василий поблагодарить ее, как она неожиданно поцеловала его в щеку и выбежала за ворота.

— Крестник, садись в повозку, надо остальных догонять, а то мы чуток отстали. А собачка действительно необычная, — улыбнулся крестный.

Солнце поднималось из-за леса, слепя глаза. Пришурившись, Василий смотрел на удаляющийся Ирбит и думал: «Как же хорошо все было, и Прасковья — замечательная девушка. В следующем году обязательно сюда приеду, тем более что надо вернуть Тильку».

Обратный путь показался всем намного короче. Стараясь нигде не задерживаться, купеческий караван добрался домой раньше, чем предполагалось.

Василий с крестным завели лошадей во двор и начали разгружать товар. Вся семья выбежала на крыльцо, и Василий бросился в объятия родных.

— Вот, принимайте молодого купца, сдаю с рук на руки, — улыбнулся крестный.

— Может, останешься, почаевничаешь с нами? — предложил Тихон Захарыч.

— Спасибо за приглашение, но я уж домой, по семье соскучился. Ну, прощайте, скоро увидимся, — с этими словами крестный, кряхтя, сел в повозку и уехал.

— Давай, купец, рассказывай о своих впечатлениях, — начал Тихон Захарыч, когда семья собралась за обеденным столом.

— Ярмарка замечательная, мне все очень понравилось. Чаю тебе любимого привез, подарки накупил, кажется, никого не забыл. Настасье вот лису красную и шкатулку от Прасковьи, — немного стусевавшись, проговорил Василий и накинул мех на плечи сестре.

— Ой, какие подарки! Спасибо, братик, подружки от зависти лопнут, — радостно закружилась Настасья.

— А кто такая Прасковья? — настороженно спросила Серафима Филипповна.

— Одна девушка из Ирбита, купеческая дочка. Она вместе с матерью расписывает шкатулки, посуду, горки, а ее дядя торгует в лавке, — ответил Василий.

— А что же отец не торгует?

— Отец у нее был купцом второй гильдии, три года назад поехал за товаром, да так и не вернулся, поговаривают,

разбойники в лесу напали. В общем, без отца живут, им дядя помогает, да и сами торгуют.

— А собачка Прасковья, что ли? — спросил отец. — Ты чего ее с собой притащил? Зачем она тебе?

— Да, Прасковья, только уж очень она мне приглянулась, вот Прасковья и отдала Тильку. Правда, не навсегда, в следующем году верну ее обратно. А еще я купил подарок Зинаиде — сейчас покажу.

Василий выскочил во двор и быстро вернулся, заноса сундуки в дом.

— Ты такую красоту собираешься Зинаиде отдать? Не стоит она этого подарка, — с ревнивыми нотками в голосе произнесла Настасья.

— Не тебе судить, стоит или нет, — резко оборвал ее Василий.

— Ладно, сынок, пойдем поговорим перед сном, — успокаивая детей, сказал Тихон Захарыч, направляясь в свой кабинет.

И потек в тишине долгий задушевный разговор. Василий подробно рассказал отцу о торге, передал ирбитские ярмарочные листки, отчитался за взятые деньги, а когда говорил о том, как его чуть не обманули торговцы, даже рассмеялся.

Отец довольно похлопал сына по плечу.

— Я думаю, товар, что купил, расторгнешь до Нижегородской ярмарки. Орехи и мед уйдут слету, ложки и чай тоже, замки оторвут с руками, одним словом, товар не залежится. Завтра отдохни с дороги, а уж потом — в лавку.

Василию не терпелось встретиться с Зинаидой, ведь они так долго не виделись, поэтому на следующий день он решил отвезти подарок, а заодно и похвастаться собачкой.

Постучав в дом Барсуковых и горделиво поглядывая на сундуки, сложенные в повозке, Василий долго ждал, когда откроются ворота.

— Заезжай, Вася, заезжай. Что это ты там привез? — с любопытством говорил старший Барсуков, дед Зинаиды, выпуская Василия во двор.

— Вот, горку Зинаиде хочу подарить.

Поправляя на ходу платок, на крыльце появилась Зинаида, и дед, заперев ворота, ушел в дом, оставив их одних.

— Что это ты сундуки какие-то притащил? — удивленно спросила девушка.

— Это горка, специально для тебя в Ирбите приобрел. Посмотри, какая роспись!

— Эка невидаль, лучше пряников привез бы или орехов. Что я с этой горкой делать буду? Подруги только засмеют, — недовольно продолжала она.

Вася смутился, не зная, что и сказать. И тут из-за пазухи неожиданно высунулась мордочка Тильки.

— Ой, какая прелесть! Почему ты меня обманул? Вот это подарок так подарок, — протягивая к собачке руки, воскликнула Зинаида.

Неожиданно Тилька выскользнула из рук Василия и со злобным лаем ухватила Зинаиду за подол платья.

— Нет, это не подарок, — Василий наклонился и снова взял Тильку на руки. — Эту собачку мне дали на время, и подарить я ее тебе не могу. К тому же, кажется, ты ей не очень понравилась.

— Ну, если не можешь, тогда забирай свои сундуки и собаку и езжай себе с Богом, — засмеялась в ответ Зинаида и резво вбежала в дом, оставив растерянного Василия в одиночестве.

Дома никто не стал расспрашивать, как отнеслись к его подарку, даже Настасья не приставала с обычными своими шутками. Горку Василий поставил в своей комнате и часто по вечерам, любуясь необычной росписью, вспоминал Прасковью и неприятный разговор с Зинаидой...

За торговыми делами время пролетело быстро и незаметно, товар, купленный в Ирбите, распродан с хорошей прибылью, и Василий начал подумывать об участии в Нижегородской ярмарке. С Зинаидой он как-то случайно встретился на улице, но разговора, как бывало раньше, не получилось. В городе поговаривали, что она собралась замуж за Кольку, но тот неожиданно передумал и не стал свататься. Пару раз Зинаида через Настасью назначала Василию свидание, но он ни на одно так и не пришел, дела помешали, и отношения между ними прервались окончательно, хотя Василий в глубине души еще долго жалел об этом...

Прошла зима, а с наступлением весны ушли и печали. Да и времени печалиться о несбывшемся не было — пора собираться в дорогу на Нижегородскую ярмарку.

На этот раз поехали все вместе: отец, старший брат Сергей, крестный и Василий.

И сам Нижний Новгород, куда Василий попал в первый раз, оказался больше Ирбита, и ярмарка — намного богаче и разнообразней. Случайно встретив там знакомого по Ирбиту купца, Василий узнал, что в семье Прасковьи произошли печальные перемены — дядя Авдей неожиданно занемог и скоропостижно скончался. Теперь женщинам приходится несладко — одни тянут лямку, пытаются хоть как-то выживать.

Это известие его сильно огорчило, и ему вдруг захотелось сделать что-нибудь приятное для Прасковьи. Он долго ходил по торговым рядам, пока, наконец, не выбрал красиво расписанный макарьевский сундучок. Ей наверняка понравится такой подарок, подумал Василий.

Быстро расторговавшись и закупив новый товар, купцы засобирались обратно домой...

...Незаметно пролетело лето, на смену которому пришел долгожданный сентябрь — время открытия очередной Ирбитской ярмарки.

Как-то вечером перед отъездом Василий случайно столкнулся на улице с Зинаидой.

— Как твоя собака? — спросила девушка.

— А что ей будет? Живет да горку охраняет, — ответил он, и они разошлись в разные стороны, теперь уже навсегда...

На ярмарку снова начали собираться за две недели, и вот уже Василий вместе с крестным, присоединившись к купеческому каравану, ехали по уже знакомой дороге, правда, на этот раз в сопровождении Тильки. Собачка скучать не давала, все время лаяла на птиц и зайцев, а иногда даже предупреждала лаем о приближающейся волчьей стае.

Наконец добрались до Ирбита и опять остановились в доме у Евлампия. Василий, не дожидаясь вечера, тут же помчался к Прасковье. Дверь ему открыла Глафира Авдеевна.

— Вася, ты ли это! Вот не ждали так не ждали, — обрадованно воскликнула она, пропуская гостя в дом.

— А где Прасковья?

— Где ж ей быть, в мастерской, сейчас схожу за ней.

Василий посадил Тильку в сундучок и стал ждать, когда из мастерской появится Прасковья.

— Я уж и не чаяла, что приедешь. Один знакомый купец сказал, что ты женился. А я все плачу и не верю, — с грустью в голосе сказала она, прислонившись к дверному косяку.

— Правильно, что не веришь. Ничего я не женился, за тобой вот приехал.

— А что это за сундучок? — зардевшись, спросила Прасковья.

— Это тебе подарок с Нижегородской ярмарки, не удержался, купил.

Прасковья подняла сундучок, и он показался ей слишком тяжелым. Открыв крышку, она вдруг увидела Тильку. В собачьих глазах было столько любви и преданности, что девушка невольно расплакалась и крепко прижала ее к себе.

— А как моя горка, которую я расписывала, понравилась? — утирая слезы, наконец улыбнулась она.

Василий подошел к девушке, нежно обхватил ее за плечи и тихо прошептал:

— Твоя горка ждет тебя у меня дома. Собирайся в дорогу, завтра же и поедем. Родные, как и горка, тоже тебя ждут...

«Прав был дед. Действительно, порой судьба посылает нам особые знаки, и надо уметь видеть и понимать их», — думал я, ставя шкатулку обратно на полку.

Чап сладко посапывал, лежа у кресла-качалки, все так же мирно тикали часы на каминной полке, а за окном продолжал завывать ветер... Я подошел к окну, глядя на кружащиеся мелкие снежинки, и мне показалось, что я слышу голоса моих далеких предков, сопровождаемые приглушенным, но радостным лаем маленькой собачки китайской породы... ▣

С. Б. Гилфорд

Если у вас жена — ведьма...

По общему мнению подавляющей части женского населения Миддлборо, Том Паркс — высокий и широкоплечий молодец со спортивной фигурой и непокорной прядкой каштановых волос, вечно спадавшей на левую бровь и придававшей ему «мальчишеский вид», — был дьявольски привлекательным мужчиной. Именно «дьявольски», потому что врожденная способность влюблять в себя с первого взгляда рано или поздно приносит ее обладателю либо неслыханное счастье, либо... беду. Увы, в случае с Томом вышло второе.

Дела у Тома шли лучше некуда, ибо от покупательниц не было отбоя, причем каждая старалась задержаться у прилавка как можно дольше и привлечь внимание хозяина

Местные дамы толпились у него в магазине с утра до вечера — не считая часового перерыва на ленч. А, собственно, почему бы и нет? По статистике, женщины составляют основной контингент покупателей, а в «Эльдорадо» можно было приобрести практически все, в чем нуждались и модницы, и домохозяйки. Кое-кто из горожан недоумевал, чего ради такой видный парень выбрал карьеру обыкновенного мелкого лавочника. Между тем, тому было целых две причины. Во-первых, магазин

достался Тому в наследство от дяди. Во-вторых, это давало ему возможность шесть дней в неделю находиться в окружении представительниц прекрасного пола.

Дела у Тома шли лучше некуда, ибо от покупательниц не было отбоя, причем каждая старалась задержаться у прилавка как можно дольше и привлечь внимание хозяина.

Короче говоря, жизнь Тома Паркса была бы прекрасна, если бы не одно «но»: он был женат. Мэг обладала весьма впечатляющей внешностью, солидным счетом в банке и, что самое главное, — некой таинственной властью над Томом! Во всяком случае, некоторые поговаривали, что в тот день, когда она повела его под венец, у него на лице было какое-то странное и даже растерянное выражение.

И вдруг однажды, словно в сказке, неуклюжая девочка-подросток превратилась в восхитительную красавицу брюнетку с ясными глазками, безупречной кожей и самой потрясающей фигуркой из всех, что когда-либо доводилось видеть Тому

Впрочем, несмотря на рыжий цвет волос, говоривший о ее пылком нраве, Мэг удавалось не только сохранять мир в семье, но и держать Тома в ежовых рукавицах. Разумеется, она догадывалась о «мелких шалостях» своего супруга, происходивших в кладовой «Эльдорадо», однако прекрасно отдавала себе отчет в том, что это лишь способствует процветанию семейного бизнеса, а посему, имея на Тома все законные права, не слишком по этому поводу переживала.

Пока не появилась Одри Мэнс, точнее, не то чтобы появилась, а... просто подросла. Еще школьницей она частенько заглядывала в «Эльдорадо» за разными мелочами, лишь иногда решаясь робко обратиться к Тому, но всем и так было ясно: эта тоже втрескалась в него по уши.

И вдруг однажды, словно в сказке, неуклюжая девочка-подросток превратилась в восхитительную красавицу брюнетку с ясными глазками, безупречной кожей и самой потрясающей фигуркой из всех, что когда-либо доводилось видеть Тому.

Одри страстно хотела его заполучить — и отнюдь не ради нескольких торопливых поцелуев в кладовой! Он был нужен ей весь, без остатка. И судя по тому, какими глазами на нее смотрел Том, стоило ей только войти в магазин, вскоре весь город понял, что назревает беда.

Весь город, кроме самого Тома. Точно так же он не понял, откуда у него в «Эльдорадо» завелась... крыса.

Не крысы, нет, это не было массовым нашествием. Это была одна-единственная крыса, однако не просто бродячая, а из той подлой породы, которая отлично знает, что и зачем ей здесь понадобилось.

Поначалу Том удивился, и только. Поскольку продуктами он не торговал, поживиться в «Эльдорадо» ей было нечем. Тем не менее крыса спокойно шастала по магазину среди бела дня — настолько уверенно и нахально, что даже до него дошло, что она какая-то... не совсем обычная.

Первая встреча состоялась так: проникнув в магазин через какую-то лазейку, незваная гостья уселась на полу прямо в центре торгового зала и в упор уставилась на Тома. Тот в ответ тоже уставился на нее, слишком пораженный, чтобы что-либо предпринять, например, схватить швабру или дробовик. Некоторое время они разглядывали друг друга, пока Том не почувствовал, что у него по спине ползут мурашки.

В этой крысе было нечто неестественное. Возможно, все дело в ее расцветке — не серой, не черной, не белой и даже не коричневой. Шерсть грызуна была рыжей, причем оттенка, точь-в-точь напомнившего Тому... нет, этого просто не могло быть!

Наверное, они могли бы простоять так целую вечность, если бы не звонок колокольчика над дверью, возвестивший о появлении очередной покупательницы и заставивший крысу пуститься наутек. Пока миссис Харрингтон, время от времени кокетливо поглядывая на Тома, полчаса выбирала себе туфли, он молил Бога, чтобы маленькая негодяйка не появилась вновь, иначе визга и истерики не миновать. Если на свете и существует что-либо, чего женщина вынести не в силах, так это крысы. Таким образом, одна-единственная тварь могла разрушить весь его бизнес!

К счастью, все обошлось благополучно, и, едва за миссис Харрингтон закрылась дверь, Том бросился осматривать помещение торгового зала. Крысы нигде не было. Наверное, удрала, с надеждой подумал он.

Ближе к двум, когда весь город сидел за ланчем, к нему заскочила Одри. В тот момент Том стоял спиной к двери и не видел, как она вошла. Тихонько подкравшись к нему сзади, Одри приподнялась на цыпочки и ласково куснула за правое ухо.

— Милая, — укоризненно покачал головой Том, при виде ее тут же позабывший обо всех крысах на свете, — нам не стоит делать этого в открытую.

— Все равно здесь никого нет, — рассмеялась та и поцеловала его.

Поцелуй был долгим, и, когда девушка наконец отвела губы, ее темные глаза сверкали.

— Как же я люблю тебя, Том! — жарко прошептала она. — Когда ты меня обнимаешь, у меня дух захватывает! Перед тобой не устоит ни одна красотка.

Внезапно выражение ее лица резко изменилось, и она, побледнев как мел, взвизгнула:

— Крыса!!!

Том стремительно обернулся. Прямо у него за спиной, на полке с электрическими чайниками, сидела крыса — та самая, рыжая — и, оскалив острые зубы, пристально разглядывала их с Одри своими черными глазками-бусинками.

Схватив стоявшее на прилавке стеклянное пресс-папье, Том метнул его в негодницу. С такого близкого расстояния промахнуться было просто невозможно, и крыса, пища от боли и прихрамывая на правую переднюю лапку, юркнула за упаковку бумажных салфеток.

Том буквально взлетел на стремянку и принялся шарить по полке, намереваясь с ней расправиться, но, услышав, как Одри рыдает от испуга, бережно подхватил девушку на руки и перенес в кладовую.

Одри не могла успокоиться так долго, что если раньше у Тома какие-то сомнения относительно реакции женщин на крыс и оставались, то теперь они рассыпались в прах.

— Откуда она взялась?! — дрожащим голосом пролепетала она.

— Понятия не имею. Раньше у меня никогда крыс не было.
 — Умоляю, избавься от нее!
 — Разумеется. Обещаю.
 — Это было ужасно! Я так перепугалась!
 — Ну, на самом-то деле бояться нечего, — сказал Том, успокаивающе поглаживая ее по голове. — На людей они не нападают.

И тут же подумал, что может и ошибаться. Обычные крысы и впрямь боятся человека. Эта же не боялась ни капельки.

— Забудь о ней, я обо всем позабочусь, — заверил он Одри, притягивая ее к себе.

Однако в тот день поцелуи в кладовой уже не были такими жаркими, как раньше.

— Это не обычная крыса, — сказала Одри, немного придя в себя.

— В каком смысле? — подозрительно спросил Том.

— Она заколдованная.

Как Том ни пытался ее разубедить, Одри была непреклонна. Когда она наконец выскользнула на улицу через черный ход, он вернулся в торговый зал и тщательно его обыскал, методично переставляя товары на стеллажах и проверяя все темные углы. Ничего.

В тот вечер Том отправился домой в полной уверенности, что крыса, получив достойный отпор, сбежала, и по дороге даже заглянул в бар отметить победу парой пинт пива. Вернувшись в свой коттедж, он сразу заглянул на кухню, чтобы подарить Мэг традиционный дежурный поцелуй, и... застыл от изумления. Правая рука жены была перевязана бинтом.

— Ты поранилась?! — Том потянулся к ней, собираясь осмотреть рану, но Мэг отдернула руку. — Что случилось?

— Ничего страшного. Полезла в шкаф с фруктами, и на меня свалилась стеклянная банка.

Стеклянная?! Пресс-папье тоже было стеклянным!

— Когда?

— Я готовила себе ленч.

**В тот вечер
Том отправился
домой в полной
уверенности,
что крыса,
получив
достойный
отпор, сбежала,
и по дороге даже
заглянул в бар
отметить победу
парой пинт пива**

То есть около полудня — в обычное время для визитов Одри! Для сугубо практичного и где-то даже приземленного человека вроде Тома это казалось невероятным. Он не верил ни в какие колдовство или магию, однако случившееся убедительно доказывало, что Мэг и впрямь могла оказаться одновременно в двух местах: дома в своем собственном теле и... в «Эльдорадо» в облике крысы. Стало быть, он и в самом деле женат на колдунье! Да что там колдунья — на ведьме!

Весь ужин он мрачно тарасился в свою тарелку, прикидывая, догадывается ли Мэг, о чем он думает. У него в магазине завелась нахальная рыжая крыса, которую, похоже, весьма раздражало то, что он регулярно целуется с Одри Мэнс. Точь-в-точь как раздражало бы и Мэг, знай она об этом. И если она действительно ведьма, то вполне могла бы... Однако теперь Том не сомневался — то, что он сделает с крысой, наверняка произойдет и с Мэг.

Том старался как мог. Раскладывал отравленные приманки — они оставались нетронутыми. Часами подкарауливал крысу с дробовиком наготове, в любой момент готовый в нее пальнуть, — тщечно

Придя к этой мысли, он почувствовал облегчение. И сказал себе, что ему не нужны крысы, какими бы они ни были — обычными, заколдованными, рыжими, серыми или какими-либо еще. Одни ничуть не лучше других, а раз так, то... он должен избавиться от своей любой ценой.

Когда на следующее утро Том явился в «Эльдорадо», крыса ничем не выдавала своего присутствия, но рисковать он не хотел. Первым делом решил разложить в укромных местах отравленные приманки — в конце концов, даже заколдованные крысы должны чем-то питаться. Неподалеку от кассы он поставил тяжелую швабру, а под прилавок положил заряженный дробовик. И, наконец, «одолжил» у миссис Макферсон Фиделя — здорового серого котяру, один вид которого должен был напугать целое полчище крыс.

Затя с Фиделем закончилась полным провалом. Едва Том выпустил его в центре торгового зала, кот выгнул спину дугой и с кроважидным урчанием устремился к прилавку с ку-

хонной посудой. Однако не успел Фидель сделать и нескольких шагов, как его шерсть встала дыбом, а затем он, громко и испуганно мяукая, стрелой вылетел из магазина.

Тому Парксу стало ясно, что с его крысой не сладит ни одна кошка.

— Но должен же я что-то сделать! — сказал он себе вслух.

Том старался как мог. Раскладывал отравленные при- манки — они оставались нетронутыми. Часами подкараули- вал крысу с дробовиком наготове, в любой момент готовый в нее пальнуть, — тщетно. И тем не менее он не сомневал- ся, что мстительный грызун скрывается где-то поблизости.

Одри не появлялась в «Эльдорадо» целую неделю. От то- ски по ней Том не находил себе места, но, понимая ее чувства, решил запастись терпением.

Наконец, в следующий понедельник Одри, набравшись смелости, тихонько постучала в дверь черного хода. И Том, услышав знакомый звук, тут же впустил ее.

Влюбленные кинулись в объятия друг друга.

— О, Том! — страстно прошептала Одри. — Как я по тебе скучала!

— Я тоже! — шептал Том, покрывая ее лицо поцелуями.

Некоторое время они обменивались нежностями, а за- тем Одри, отступив на шаг, спросила:

— Надеюсь, ты от нее избавился?

— От кого? — переспросил Том, лихорадочно сообра- жая, что ответить.

— От крысы, конечно.

— Сам толком не знаю.

— Том, — тихо произнесла Одри, вновь начиная дро- жать, — ты должен это сделать. И сам знаешь, почему. Она хочет меня покусать!

— Послушай, милая...

— Особенно мое лицо!

— С какой стати ей тебя кусать?! Да еще в лицо?!

— Неужели непонятно?! Чтобы изуродовать меня сво- ими острыми зубами, и ты больше не захотел бы меня видеть. Это все твоя жена!

Что ж, с точки зрения Тома, это имело смысл, поскольку Мэг, зная о его слабости по отношению к хорошеньким женщинам, была вполне способна на такое.

О том, что это не «крыса, заколдованная Мэг», а сама Мэг и есть, он предпочел умолчать — Одри и так была напугана дальше некуда.

— Ты ее так и не убил?

— Милая, я пытался. Чего только не перепробовал: крысиную отраву, ружье, кота... Может, она все-таки ушла?

Одри в отчаянии замотала головой.

— Нет, она по-прежнему здесь! И сейчас наблюдает за нами из какой-нибудь дыры. А я не хочу потерять свое лицо! Том, мы больше не сможем видаться!

В этот момент она закричала — так же испуганно, как и в прошлый раз. Обернувшись, Том успел заметить рыжий комок с длинным хвостом, поспешно шмыгнувший за бочку.

Он рванулся следом за крысой, готовый придушить ее голыми руками, но, когда расшвырял во все стороны бочки и ящики, та бесследно исчезла.

Как и Одри, оставившая дверь черного хода распахнутой настезь.

Тому Парксу оставалось лишь взглянуть правде в глаза — никуда уходить крыса не собиралась. А пока она торчит здесь, надежды увидеться с Одри не будет ни малейшей.

И тогда он понял, что до этого все делал неправильно! А поняв, превратился в человека действия. Заперев дверь черного хода, он отыскал в кладовой мешок из грубой плотной материи и моток веревки и прошел в торговый зал. У выхода из магазина задержался, на мгновение оглянулся.

И почувствовал, что крыса все еще здесь — где-то среди штабелей коробок, ящиков и тюков, расставленных по стеллажам. Может, она уже устраивает себе гнездо. Или, затаившись, наблюдает за ним, удивляясь, что он такое задумал?

Том улыбнулся. Скоро узнаешь, мерзкая рыжая тварь, только меня дождись. Повесив на дверь табличку с надписью «Закрыто», он вышел из магазина и, закинув мешок на плечо, торопливо зашагал по главной улице Миддлборо. Через полчаса Том уже был в лесу.

Теперь он превратился в охотника и медленно крался, тщательно обшаривая глазами густой подлесок. В поисках время летело незаметно, солнце опускалось все ниже, однако сдаваться Том не собирался.

Вытянув перед собой палку с веревочной петлей на конце, он мелкими шажками двинулся к своей добыче. Та отчаянно сопротивлялась, но победил Том и, запихнув ее в мешок, быстро затянул его горловину веревкой.

Дождавшись наступления темноты, он пустился в обратный путь, стараясь не попадаться на глаза запоздалым прохожим. Ему повезло — он проскользнул в «Эльдорадо» незамеченным. Развязал веревку, перевернул мешок, вывалил его содержимое на пол и, пулей вылетев на улицу, запер за собой дверь.

Отдышавшись, Том улыбнулся, крайне довольный собой, и, приложив ухо к двери, прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Это его ничуть не беспокоило, и он легкой походкой зашагал домой — к Мэг.

Ее нигде не оказалось — ни на кухне, ни в гостиной, ни в спальне... Том даже вышел во двор и позвал ее, правда, тихо, чтобы не услышали соседи, но ответа так и не получил. Мэг исчезла, словно испарилась. Если только не...

— Есть! — вскричал он, и, не в силах сдерживать радостное возбуждение, вскочил и закружился по комнате, а затем выбежал из дома и помчался в «Эльдорадо».

Открыть дверь удалось не сразу — от волнения его руки дрожали так, что он несколько раз ронял ключ, прежде чем сумел вставить его в замок. Оказавшись внутри, Том торопливо включил свет, заморгал, и, оступившись, едва не упал на то, что искал.

В длину змея достигала как минимум семи футов. В тусклом свете плафона ее толстое черное тело поблескивало, словно металлический кабель. Почувствовав шаги Тома, она

Тому Парксу оставалось лишь взглянуть правде в глаза — никуда уходить крыса не собиралась. А пока она торчит здесь, надежды увидеться с Одри не будет ни малейшей

лениво приподняла голову и с вызовом уставилась на него, покачивая красным раздвоенным языком.

Внешний вид чудовища слегка изменился: в середине его длинного тела появилось небольшое утолщение — примерно такого же размера, что и крыса...

Исчезновение Мэг Паркс вызвало в Миддлборо множество сплетен и пересудов, однако большинство горожан склонялось к тому, что она, устав от «фокусов» Тома, в одну прекрасную ночь просто-напросто от него сбежала.

Разумеется, поначалу Том усердно притворялся, что убит горем, однако вскоре постепенно осмелел и в открытую приу-

**Но едва он
наклонился,
чтобы ее
поцеловать,
девушка,
пронзительно
вскрикнув,
застыла
как вкопанная,
неотрывно глядя
на полку... где
между двумя
шляпными
коробками
извивалась
огромная черная
блестящая змея**

дарил за Одри Мэнс. Через полгода он обратился к своему адвокату и, хотя в силу отсутствия доказательств Мэг так и не была официально признана умершей, получил право на развод. По местным меркам, это выглядело довольно скандально, но, поскольку у Тома была репутация «своего парня», его бизнес продолжал процветать, как и прежде. В июле он женился на Одри.

Однако Том совсем не изменился — такие вообще меняются редко. Одри сидела дома, наслаждаясь новым для нее статусом жены и домохозяйки, а он продолжал вести дела в «Эльдорадо», где по-прежнему было не протолкнуться от городских модниц. Понятно, что рано или поздно среди них должна была появиться особа, которая заинтересовала бы его не только как потенциальная покупательница.

Ею оказалась прелестная молодая блондинка по имени Эллен Харди, как и многие другие, влюбившаяся в Тома с первого взгляда. Как-то раз она явилась к нему в магазин днем, когда в торговле было затишье.

- Мистер Паркс...
- Здравствуйте, Эллен.

— Я присмотрела себе вон то жемчужное ожерелье. Нельзя ли его примерить?

— Конечно. Позвольте вам помочь... Знаете, Эллен, у вас такая нежная и изящная шейка, что я...

Но едва он наклонился, чтобы ее поцеловать, девушка, пронзительно вскрикнув, застыла как вкопанная, неотрывно глядя на полку... где между двумя шляпными коробками извивалась огромная черная блестящая змея.

— Эллен!

Девушка сорвалась с места и, визжа от ужаса и спотыкаясь, выскочила за дверь.

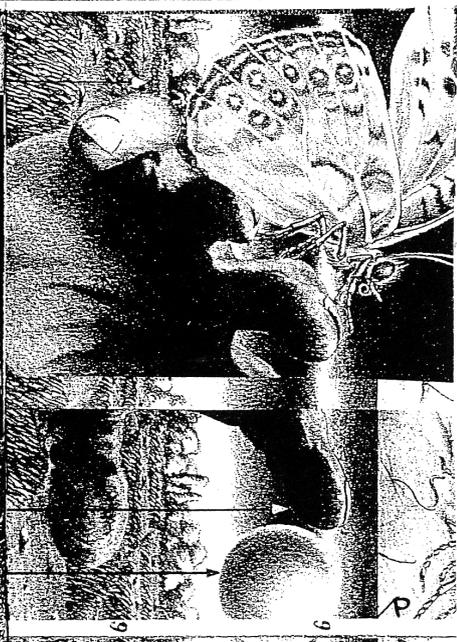
Некоторое время Том смотрел на змею — прямо в ее крошечные застывшие глазки, а потом горестно покачал головой и едва слышно прошептал:

— Ах, Одри, Одри... Что же ты наделала!

Затем вышел из «Эльдорадо» и... исчез из Миддлборо навсегда. ▣

Перевод с английского Дмитрия Павленко

Анна и Сергей Литвиновы

У ночного костра

1

— Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Агент «Оракул» вышел в заданную точку! Встреча состоялась!

— Вольно, вольно, сержант. Продолжайте наблюдение.

2

Четверо сидели у костра. На многие километры вокруг — ни человека, ни жилья. Ни единого звука, порожденно-го цивилизацией. Только ветер шумел в кронах деревьев, да откуда-то издалека доносился шум горного потока.

Всполохи разгоревшегося костра ясно высвечивали лица и фигуры сидящих людей. Даже по их позам становилось ясно, что они встретились здесь неслучайно; их собрало дело, а вот какое — пока неизвестно...

Один, самый старший, расположился у огня уверенно, по-хозяйски. Худое морщинистое бритое лицо, в руках длинный прут, которым он время от времени поправлял горящие ветки, на голове — сванская шапочка, на плечи накинута бурка, ноги в мягких разношенных сапогах, рядом большая пасть сумка. Старик внимательно оглядывал тех, кто сидел напротив, и его умные черные глаза вспыхивали таинственным блеском.

— Вы искали меня, — наконец заговорил он глубоким звучным голосом. — Зачем?

Трое других переглянулись — двое мужчин и одна молодая женщина. По их позам и жестам, неуверенным, насто-

роженным, слегка опасливым, можно было сделать вывод, что это гости, причем не знающие, чего им ждать от нынешней встречи.

Самый молодой порывисто сдернул с головы кепку.

— Разве это мы нашли вас? Разве не наоборот? Мы расположились здесь. Вы вышли к нашему костру...

Старик не глядя отмахнулся от него.

— Софистика, молодой человек, софистика... Оставим силлогизмы и начнем с простого... Представимся друг другу... Меня зовут Алексей Викентьевич, но вы можете называть меня Стариком. В прежние времена вам положено было первым делом представить даму, — глаза старика остановились на девушке и озорно блеснули. — Однако теперь правила хорошего тона, сдается мне, безвозвратно отменены. Да и, кажется, вы сами едва знакомы друг с другом...

— Вы правы! — воскликнула девушка. — С Аркадием мы встретились всего две недели назад. Это он подбил меня поехать сюда на ваши поиски, точнее, не на ваши конкретно, а на поиски чего-то... А с Дмитрием мы познакомились только вчера, по дороге на Рицу... Поэтому представляюсь сама. Меня зовут Софья.

— Очень приятно, Софья, — церемонно поклонился старик. — Вы, собственно, представили мне спутников. Рад встрече с вами, Аркадий... — его взгляд остановился на старшем. — И с вами, Дмитрий, — молодой в ответ улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами. — Ну что ж, давайте начнем.

Старик достал из кармана две игральные кости, дунул в них, потряс в сухих ладонях. Красноватые отблески костра на секунду сделали его лицо зловещим. Не раскрывая ладони, он переложил костяшки в правый кулак, а потом вдруг с силой бросил их через левое плечо, и они шлепнулись в траву.

— Сколько? — в упор спросил старик у Аркадия.

Мужчина прикрыл глаза, наморщил лоб и наконец отвел:

— «Семь». На одной костяшке «три», на другой — «четыре».

— Ваша версия? — взгляд Алексея Викентьевича остановился на девушке.

— «Три» — это верно. А вот «четыре» ли? По-моему, кость упала в траву на ребро, и, похоже...

— Слишком много слов, — грозным голосом прервал ее старик. — Сумма?

Девушка зажмурилась и выкрикнула:

— «Восемь».

— Хорошо, ответ принят. Ваше слово? — обратился старик к Дмитрию.

— «Семь», — без колебаний проговорил тот.

Старик прикрыл глаза и хлопнул в ладоши.

— А сейчас? Кости перевернулись? Какая сумма?

— Кости как лежали, так и лежат. Сумма — «семь», по-прежнему.

— Вы, Софья?

Девушка сосредоточенно потерла лоб.

— Одна костяшка перевернулась на «пять». Итого — «восемь».

— Ладно, будем считать, начало положено.

— А кто из нас угадал? — с любопытством спросила девушка. — Мы проверим?

— Зачем? — искренне удивился старик. — Я и так знаю.

И вы, скорее всего, тоже... Однако хочу заранее предупредить: пока мы не начали разговор, никто не хочет покинуть наше общество? Позже дороги назад не будет.

Гости переглянулись. Никто не произнес ни слова, никто не поднялся.

— Хорошо, тогда я хотел бы услышать ваши истории. Первым пусть будете вы, Дмитрий.

— Что вы хотите услышать? — растерялся юноша.

— Что-то ведь привело вас сюда, — дружелюбно пояснил старик. — Вот я и хотел бы узнать, что именно.

— Я до сих пор не понимаю, какая связь между моей историей и вами...

— Связь есть, уверяю вас, — прервал его старик. — Она неочевидна, но, безусловно, существует. Начинайте...

— Ну, если вы настаиваете... Хотя я, право, не знаю, с чего начать...

— Начните с того, — звучно и твердо проговорил старик, — когда вы поняли. Когда догадались, что вы не такой, как все.

— Однажды... — молодой человек помедлил, сосредоточился, а потом вдруг выпалил на одном дыхании: — Однажды я заметил, что у меня крадут мои сны...

3

— Я всегда считал себя обычнейшим из смертных. Родился в семье рабочего, был старшим среди четырех братьев и сестер. С шестнадцати лет пошел на завод, трудился учеником токаря. Правда, был у меня старший товарищ, из образованных. Он и заметил во мне способности к наукам, а в особенности к математике. Еще в школе самые сложные задачи я расшелкивал, как орехи. Мой друг убедил моих родителей, а главное, меня самого, что мне необходимо получить хорошее образование. Он же добился, чтобы завод направил меня в вуз — в Ленинградский госуниверситет, на механико-математический факультет. Так я стал студентом. Науки давались мне легко и без всякого напряжения. А однажды... Однажды я вдруг заметил... Это случилось пару лет назад... — Дмитрий вдруг осекся, а после паузы, прерывисто вздохнув, продолжил: — Знаете, я всегда видел очень необычные сны... И они приходили ко мне чуть ли не каждую ночь, очень яркие, красочные, цветные... Мне снились люди, но какие-то плоские, карикатурные. У них были странные лица: одутловатые, вытянутые книзу, словно груши... А тела непропорционально маленькие, тщедушные. Они суетились, словно муравьи: что-то перетаскивали, несли, везли... А еще — пилили, прибивали, точили... Одним словом, возводили города, и города эти чем-то очень походили на муравейники...

Сам я в своих снах выступал как созерцатель. Я не участвовал в возне людей-муравьев, а только наблюдал за нею со стороны. И, несмотря на красные тона и унылое содержание снов, они меня не мучили, не казались кошмарами. После них я всегда просыпался бодрым и отдохнувшим. Города-муравейники и люди-муравьи снились довольно часто — по-

рой даже два или три раза в неделю. Один раз я даже попытался зарисовать их, но, увы, природа не дала мне никаких талантов к живописи. Единственное, что я смог изобразить на бумаге, — красный и оранжевый оттенок моих видений. Однако даже цвет в реальности производил совсем не тот эффект, что в моих снах. Рисунки выходили тревожащими, будоражащими, а ведь сны, как я уже говорил, скорее вдохновляли, мобилизовывали...

И вот как-то мои университетские товарищи затащили меня на выставку одного современного художника. Я шел с неохотой, так как в живописи и других изящных искусствах ровным счетом ничего не понимаю, но... Когда я оказался в залах музея, увиденное потрясло меня. Среди прочих картин, развешанных по стенам, я вдруг разглядел свои собственные сны! То было не одно полотно, и даже не два. Целая серия. Десятки изображений! Те же люди из моих снов с грушевидными одутловатыми лицами и их мелкая, кропотливая работа над городами-муравейниками. Тот же свет, озарявший мои видения: оранжевый, красный, желтый... И эти красные тона на полотнах художника, как и в моих несовершенных потугах на живопись, производили беспокойное, даже отвратительное впечатление!

Я почувствовал, будто меня ударили под дых. Кровь прилила к лицу, в глазах помутилось. Мои товарищи, с которыми я пришел на выставку, заметили, что со мной что-то неладно, и стали приставать с вопросами. Я не отвечал, да и что я мог ответить? Как мог объяснить, что происходит? Я чувствовал себя обкраденным. Словно кто-то грубо вломился в мой дом — нет, в мою голову, в мою личность! — и украл из моей души самое тайное, самое сокровенное! О подобной краже не заявишь в милицию. Даже не пожалуешься друзьям, чтобы вызвать их сочувствие!

В тот день я отстал от своих товарищей и вернулся домой, сославшись на нездоровье. Хотелось все обдумать — логически, как и пристало будущему ученому. Однако, когда я остался один, мне показалось, что все произошедшее — мое очередное видение! Естественно, никакого логического разбора не получилось, я проворочался всю ночь, порой впадая в забытье... А утром, пропустив занятия в университете, сно-

ва помчался на выставку. Я бродил в залах музея весь день, то подходя вплотную к моим полотнам, то отдаляясь от них, пытался анализировать, делать какие-то выводы. Как могло случиться, что сны одного человека вдруг появились на картинах другого? Может быть, ему снилось то же самое, что и мне? Может, художник является моим спиритическим двойником? Может, нас обоих посещает один и тот же метафизический дух? А может, вдруг подумал я, художник изобрел прибор, способный улавливать человеческие сны? Или это устройство сконструировали в секретной лаборатории, а художник сумел завладеть им? Или, наоборот, ему вручили прибор для проведения эксперимента, а я, случайно или намеренно, стал объектом для его опытов?..

Так или иначе, в тот день я ясно понял, что мне надо обязательно увидеть автора картин и спросить его напрямик.

Я был настолько одержим разгадкой происшедшего, что не мог ни заниматься, ни спать, ни есть... Я стал искать художника. По счастью, найти его оказалось довольно легко. Он не скрывался под псевдонимом, а выставлял картины под собственной фамилией, так что вскоре его адрес лежал у меня в кармане. И вот, в один прекрасный день я отправился к нему на квартиру. Художник жил на Фонтанке. Дверь мне отворила прислуга. Я представился поклонником творчества мастера, сказал, что мечтаю поговорить с ним и взять у него автограф. Меня перепоручили другой женщине — супруге художника. У меня хватило сил на светский разговор с ней, хотя я весь горел от нетерпения. На хозяйку мое знание творчества маэстро произвело впечатление, и она, наконец, ввела меня к нему в мастерскую и представила как верного поклонника его творчества. Вид художника меня разочаровал. Я ожидал увидеть едва ли не своего двойника, однако мастер оказался совершенно не похож на меня. Во-первых, он был гораздо старше — лет около сорока. Я, как видите, высокого роста и спортивного сложения — он выглядел низковатым и полненьким. Носил бороду, как многие художники, и был лысоват. Я большой аккуратист и даже педант, все мои вещи разложены по полочкам, а у него в мастерской царил настоящий беспорядок. Словом, между нами не оказалось ничего общего,

по крайней мере, по внешним приметам. Может, существовало душевное родство, внутреннее сходство?..

Маэстро принял меня настороженно, однако я так рассыпался в комплиментах его творчеству, что он постепенно оттаял. Когда его жена оставила нас наедине, я стал расспрашивать мастера о картинах, посвященных «муравьиным людям» (как я их называл). Художник явно насторожился. Он стал отвечать очень пространно, однако из его округлой речи я мало что понял. Казалось, он хранит тайну, которую ни за что мне не откроет. В тот момент мне вдруг почудилось, что он и вправду украл у меня что-то самое сокровенное. И тогда я... Тогда я, наверно, совершил ошибку: потерял контроль над собой и напрямую выпалил живописцу, что он подсматривает и крадет мои собственные сны. В глазах художника мелькнула паника. Возможно, он решил, что я буйнопомешанный, и потянулся за колокольчиком. Я же схватил его за грудки и принялся трясти, как грушу, приговаривая: «Признайся! Это ты украл у меня мои сны!» Меня, конечно, вывели из дома. Спасибо еще, милицию не вызвали...

Вскоре выставка этого художника закрылась. Раньше положенного срока. Говорили, что ее свернули прежде времени потому, что она не понравилась в Смольном... — молодой человек перевел дух. Его слушатели чувствовали, что история еще не досказана, и ждали продолжения. Дмитрий вздохнул, потер лицо рукой и продолжил: — Прошло несколько месяцев... Не скажу, что я напрочь забыл про свои украденные сны. Однако сам факт похищения уже потерял для меня остроту, и я мог более-менее спокойно размышлять о случившемся, но так и не сумел найти вразумительного ответа. Красно-муравьиные сны продолжали сниться, и я просыпался после них с тем же бодрым и радостным чувством... А потом... Потом я увидел афишу, извещавшую о том, что открывается новая выставка того самого художника. Нечего и говорить, что я пришел туда в первый же день экспозиции. Выставка занимала несколько скромных залов. На ней почему-то не оказалось ни одного полотна из красного «муравьиного» цикла. Но зато я увидел нечто, опять-таки имеющее отношение ко мне, но гораздо более шокирующее...

То были... Не знаю, как объяснить... Наверное, у каждого... У каждого человека... У всех есть какие-то тайные, даже порочные видения... Фантазии... Так же и у меня... — лицо Дмитрия заалело краской стыда. — У всякого есть нечто такое, что таится в глубинах собственной души... И о чем не рассказываешь никому... И даже себе не всегда признаешься... Короче говоря, вот эти мои видения... порочные фантазии... Они были выставлены художником напоказ. Перед всеми. Понимаете? Уже не сны, а мысли!.. То, что являлось мне наяву... Те картинки, которые рисовал мне — нет, не дьявол, его не существует — мой собственный испорченный мозг... Было несколько картин, словно срисованных из моего мозга, причем из самых дальних, потаенных его уголков!..

После той выставки я уже не стал искать художника, добиваться встречи с ним, выяснять отношения... Я вышел из зала и побрел по городу куда глаза глядят... Была зима, с Невы дул ледяной ветер... Я понимал, что вмешательство странного бородача в мою собственную жизнь становится все серьезнее... Сначала сны, теперь мысли... А что дальше?! Я уже не хотел разбираться в том, что происходит, а думал, как оказать сопротивление чужой воле, поставить заслон на пути проникновения чужого разума в мой мозг... И меня вдруг осенило: если художник каким-то загадочным образом умеет проникать в меня — в мои сны, в тайники сознания, наверняка между нами существует обратная связь. В природе не бывает взаимодействий без обратной связи! Это закон физики, и я очень хорошо его знал. Следовательно, и я могу воздействовать на него!.. Эта идея мне понравилась. Сработает она или нет, я не знал, но она меня очень вдохновила.

Я сразу же бросился домой и, сказавшись промерзшим на улице, уединился в ванной комнате, где стал вызывать в воображении образ художника. Это мне вполне удалось: поленький, лысый, суетливый неряха-бородач... И тогда я вообразил, как его режут ножом, четвертуют, отрубает голову... Я неотступно думал о нем весь вечер и, хотя, как ни странно, не испытывал по отношению к нему никакой ненависти, с удовольствием призывал на его голову всевозможные кары... А ночью, когда я лег в постель, он мне приснился. Сон был очень реалистичным. Я увидел, что художник, в одной на-

тельной рубаше, босиком, стоит у кирпичной стены. Напротив него — взвод солдат. Ружья они держат наизготовку. Звучит команда «Пли!», и раздаются выстрелы. Рубаша на груди художника окрашивается красным. Он падает наземь. Его тело дергается, он умирает — и в этот миг превращается в плоско-го человечка с одутловатым лицом из моих «муравьиных» снов. Я проснулся в холодном поту. Наяву стало одновременно и жаль художника, и почему-то радостно оттого, что произошло. Однако то был всего лишь сон. Вряд ли мои кошмары могли нанести ему реальный вред... Или нет?

На следующий день я снова пошел на выставку, хотелось еще раз посмотреть работы, имевшие ко мне прямое отношение. Однако я наткнулся на запертые двери. Объявление извещало, что выставка закрывается — без объяснения причин. Через окно я увидел, как служители снимают со стен картины и составляют их в угол, постучался и попытался выяснить, почему экспозицию закрыли, однако никто не смог или не захотел мне ответить. Может, — возникла шальная мысль, — повлияли мои видения, которыми я вчера распался себя? Но я тут же отбросил ее. Маэстро хоть и выкрадывал непонятным способом свои картины из тайников моего подсознания, в сущности, не нанес мне никакого вреда или ущерба. А вот закрытие выставки на второй же день могло означать, что художник попал в немилость и его ожидают неприятности.

А дальше... Моя жизнь потекла своим чередом, но мысленно я постоянно возвращался к художнику, его картинам, моим снам, закрытой выставке... И тем видениям, что я насылал в ту морозную ночь на голову живописца... Разумеется, я больше ни разу не повторил в своем воображении тех казней, что творил над ним...

— Ну и напрасно, — вдруг звучно произнес Аркадий. — Твоя позиция характерна для интеллигенции. Вы своей мягкотелостью всегда только портите смелые начинания, порой свои же собственные.

Софья живо повернулась к Аркадию:

— А ты? Как бы ты поступил на его месте?

— А я, — рубанул Аркадий, — считаю, что, сказавши «а», надобно говорить и «бэ». И если ты встал на дорогу возмездия, следует пройти свой путь до конца.

— Но я, оказывается, все-таки отомстил художнику, — грустно проговорил Дмитрий. — Тяжело вспоминать об этом... Но... Сказать надо... Словом, через два дня я ехал в трамвае и случайно услышал один разговор... Его вели двое мужчин явно божественного вида. Такие, знаете, в беретках, очках, бородачках... Один из них сказал другому: «Знаешь ли ты, что имярек, — тут он назвал фамилию «моего» художника, — совсем плох?» «Что ты говоришь! — воскликнул второй. — А что с ним?» «Выставка у него всего один день провисела, а когда вечером позвонили из Смольного и велели снять, его той ночью кондрашка-то ихватила. Обширная грудная жаба. Вряд ли выкарабкается...» — голос молодого человека дрогнул.

— А через три дня я прочитал в «Вечернем Ленинграде» некролог, посвященный художнику. Он скончался в возрасте сорока четырех лет...

4

— И вы собираетесь взять на себя эту вину?! — вдруг прогремел голос старика.

Студент поднял на него глаза, полные слез.

— А как прикажете думать?

— Это бред! Бред — думать, что расстрелом, который приснился вам, вы в самом деле могли повредить живому человеку на другом конце города! Выкиньте эту историю из головы! Возможно, вы на многое способны, но силой мысли убивать на расстоянии... Не обольщайтесь, юноша, не обольщайтесь! Вы пока далеко не настолько хороши. Вот, возьмите, — старик вдруг вытащил из-под бурки кусочек сахара и протянул его студенту. — Вы сейчас совершили прилюдную экскурсию в свое собственное внутреннее «я». Путешествие не из легких. Оно должно быть вознаграждено, хотя бы символически. Напряжение, возникшее в вашем мозгу в результате рассказа, необходимо заесть чем-то сладким...

— Прямо как собачке Павлова... — усмехнулся студент. Но слова старика о том, что он ни в чем не виноват, видимо, подействовали на него, и он успокоился.

Алексей Викентьевич оценил шутку, рассмеялся и вдруг нацелил взгляд своих магических глаз на девушку:

— Ну, а вы, дорогая Софья? Что поведаете нам вы?

— Я, конечно, готова. Но с чего начать? — хорошо поставленным голосом произнесла Софья. — Начнем с того, что вся моя семья увлекалась спиритизмом: и мой брат Николенька, и наши родители... Мы часто устраивали сеансы. Приходили друзья родителей... А я еще со школьной скамьи была медиумом. Разумеется, к спиритизму никто из нас не относился всерьез. То была просто шутка, игра, но едва ли не каждую неделю мы занимались столоверчением. У меня получалось лучше всех, во всяком случае, когда я участвовала в сеансах, разговор всегда удавался. Не знаю, как это получалось, но порой загробный мир выдавал настоящие тайны тех, кто участвовал в сеансе! Дело иногда доходило даже до скандалов. Однажды, когда мой брат Николенька привел на сеанс девушку, на которой вроде бы собирался жениться, дух Пушкина вдруг спросил у барышни, как здоровье ее сыночка. Девушка расплакалась и убежала... А потом, действительно, выяснилось, что у нее имеется отпрыск двух лет от роду, которого она от своих кавалеров тщательно скрывала. Николенька с этой особой расстался, потому что не выносил вранья в любом виде... Брата своего я очень любила, прямо-таки трепетала перед ним... Он был на пять лет меня старше. Красивый, умный, блестящий... Все говорили, что он прекрасный ученый и перед ним открывается большое будущее... Когда я закончила школу, он уже получил диплом инженера-химика и занимался настоящей научной работой. На каникулах он обычно жил на нашей даче в Валентиновке — работал над диссертацией... Родители дачу не любили, а я туда частенько к нему приезжала... Счастливое было время...

А потом Николенька все-таки женился. Университет выделил молодым комнату. Но летом братик все равно продолжал жить на нашей даче — иногда вместе с молодой женой, а иногда в одиночестве... С его супругой я примирилась, даже сумела неплохо поладить...

Однако жизнь наша в одночасье изменилась... В один «прекрасный» день мы вдруг узнали: Николенька арестован. Наши родители пытались если не освободить его, то хотя бы узнать, в чем его обвиняют. Бесплезно! Свиданий нам не давали, переписка была запрещена. Единственное, что разреша-

лось, — передачи. Но однажды и передачу не приняли, а через пару недель сообщили: Николеньку приговорили к пяти годам лагерей, без права переписки... В доме поселилась грусть. Отец сдал, мама часто плакала. Разумеется, прежние развлечения прекратились, никаких гостей, никаких спиритических сеансов...

Как-то в мае нынешнего года родители попросили меня проведать дачу, посмотреть, как наш старый дом перенес зиму. С тех пор как брата забрали, никто из нас там ни разу не появлялся. Тот день я запомнила надолго... — Софья вдруг оборвала рассказ, залезла в свой рюкзачок, порылась в нем, достала сложенный вчетверо пожелтевший лист бумаги, но не стала его разворачивать, а просто сжала в кулаке. — Я приехала в Валентиновку на электричке. Стояла прекрасная погода. Цвела вишня, одурманивающе пахла черемуха, атели тюльпаны. Сам дом стоял хмурый и нежилой, весь пропахший сыростью. Я хотела протопить печь, помыть полы... Но тут мое внимание привлекла странная перемена в интерьере: на первом этаже, на веранде, на круглом обеденном столе стояла пишущая машинка. Ее никогда тут не было! Машинка принадлежала брату, он перепечатывал на ней свои научные статьи и составлял конспекты лекций, но держал ее в своем кабинете на втором этаже. Кто и почему переставил ее вниз, на террасу, на самое видное место? Ведь в доме никого не было с самого ареста брата! Я подошла к машинке и увидела, что в нее вставлен лист бумаги, вот этот самый, — Софья тряхнула кулаком с зажатым в нем листком. — Вверху чернела одна-единственная напечатанная строчка. Я прочитала ее и обмерла. Потому что там было написано, — она развернула листок и зачитала: — «Сегодня ночью я хочу с тобой поговорить». И подпись — Киля, — в глазах девушки блеснули слезы. — Килей звали в семье моего брата. Когда я была маленькая, то не выговаривала Николай или Коля, поэтому называла его Килей. Сначала я подумала, что листок в машинке — чья-то злая шутка. Но кому понадобилось так шутить? Никто, кроме нашей семьи, не знал о Колином прозвище. А ведь «шутнику» надо было еще раздобыть ключи от дачи, тайно приехать сюда, найти машинку... Словом, я почти сразу поверила, что мне написал он, Коля... Но как?! Я машинально подвинула каретку, отстучала одним

пальцем: «Я тоже очень хочу поговорить с тобой, Николенька!» — и замерла. Почему-то мне казалось, что ответ последует немедленно, но минута проходила за минутой, и ничего не происходило. Через полчаса напряженного ожидания я подумала, что машинописная строка — все-таки чей-то глупый розыгрыш, и занялась делами: натаскала дров, разожгла печь, затем начала мыть полы. И вдруг с террасы донесся стук пишущей машинки!

Когда я вбежала туда, машинка закончила печатать. Сама собой! Я подскочила к ней и прочитала напечатанные строки: «Сегодня в полночь. Электричество не включай. Будь не на веранде, но поблизости. Киля». Не помня себя от волнения, я судорожно отстучала: «Почему ты говоришь со мной?! Ведь ты не умер, ты просто сослан!» Ответа не последовало. Я поняла, что надо дожидаться полуночи, как велел Николенька. Домашняя работа помогла скоротать время. Я наводила порядок на даче, словно перед приходом дорогого гостя — смыла полы, вытерла пыль и даже испекла пирог с яблоками.

Наконец часы пробили полночь. Я в точности исполнила указание брата, погасила всюду свет и устроилась в кухне, смежной с верандой. Вскоре с террасы раздался быстрый стук пишущей машинки, потом она смолкла. Я выждала пару минут, схватила керосиновую лампу и бросилась на веранду. На листе, вложенном в машинку, добавилось еще несколько строк: «Мне жаль огорчать тебя, Крошка Со, но я умер». Когда я была маленькой, Николенька называл меня не Соной, а Крошкой Со — за то, что я была похожа на китайчонка... После этого я уже не сомневалась, что действительно разговариваю с братом. Или с его душой.

Дальше было написано: «Не бойся, умирать оказалось не больно. И здесь мне хорошо, покойно, радостно». Я тут же отстучала в ответ: «Ты пишешь «здесь». А где ты? В раю?» И сразу выбежала из комнаты, чтобы не мешать ему ответить. Но не успела даже закрыть дверь, как с веранды снова послышался перестук клавиш. Николенька написал: «Я не знаю, как назвать то место, где я нахожусь, но, повторяю, мне хорошо. Не бойся смерти и внуши потихоньку нашим: пусть они ее тоже не боятся». Не знаю, что на меня нашло, но я напеча-

тала: «Значит, ты можешь видеть будущее? Скажи: что будет дальше со мной? Что будет со всеми нами?»

«Я понятия не имею, что будет дальше с тобой, как и со всей нашей семьей или со всем миром. Будущее сейчас скрыто от меня точно так же, как и тогда, когда я был человеком. Общаться с вами, людьми, никто из наших не может. Мне очень повезло, что у меня есть ты, потому что ты очень сильный медиум. Зато для меня нет тайн: что происходит на Земле сейчас и что происходило раньше. Я даже знаю, например, что это ты, а не Лизка съела тогда абрикосовое варенье. Хочешь узнать, что было? Спрашивай», — напечатался ответ. Я спросила о том, что волновало меня больше всего: «Почему и за что тебя арестовали?» «На меня написал донос Юська: будто бы я с другими аспирантами собираю в лаборатории бомбу, чтобы взорвать ее на первомайской демонстрации». Я была поражена: Юськой звали товарища Николая, студента, самого робкого, несчастного, который был принят — скорее из жалости — в нашей семье и который больше других восхищался талантами моего брата. «Извини, — продолжал Николай, — но мне пора. Не думаю, что наши встречи могут быть частыми. Это непросто. Но знай, на всякий случай, что я счастлив. И маме с папой можешь это передать. Только не говори никому, что входила со мной в контакт. Люди тебя не поймут, будут смеяться или упекут в сумасшедший дом. Будь счастлива, Крошка Со, у тебя все должно быть хорошо».

Когда Софья зачитывала последние строки, голос ее сорвался. Она высморкалась в платочек, извинилась перед мужчинами, а потом завершила свой рассказ спокойным голосом:

— Больше Николенька со мной не связывался. Маме, папе и невестке я сказала, что видела брата во сне, и он просил передать им, что у него все хорошо. Я не стала говорить им, что он умер. Они почему-то поверили в мой сон. А Юська... Тот самый, что предал моего брата... Я не буду возводить на себя напраслину, скажу лишь одно... Этим летом тело Юски нашли в Марьиной Роще — без денег, без пиджака и сапог. Он был убит ударом ножа в сердце. Будем считать, что я здесь ни при чем. И я не знаю, кто это сделал. Я ни о чем не жалею, но предатель получил по заслугам. А милиция до сих пор не нашла виновных, — с видом победительницы Софья заботли-

во сложила пожелтевший лист с ровными машинописными строчками и бережно спрятала его в рюкзак.

5

— Ты сильная, — оглядывая Софью, с искренним восхищением проговорил Дмитрий, а старик кивнул в сторону Аркадия:

— Теперь ваш черед.

— Может быть, все-таки откровенность за откровенность? — Аркадий повернулся к Алексею Викентьевичу. — Может, теперь вы что-нибудь расскажете нам?

— А что вас интересует?

— Например, кто вы? И кто мы? Почему мы здесь? И зачем нам исповедываться перед вами? Что будет с нами дальше?

— Я понимаю ваше любопытство, — наклонив голову, произнес старик. — Оно вполне законно. Обещаю, что отвечу на все ваши вопросы. Но давайте не будем отклоняться от процедуры...

— Что за процедура? — не отставал Аркадий.

— Вы хотели встретиться со мной, поэтому вы, трое, здесь. Вас привела сюда некая сила, которая внутри вас и которая сильнее вашего сознания, не правда ли? Но я... Я не искал вас. И я должен решить: нужны ли вы мне. Вот я и хочу знать о вас хотя бы то, что вы готовы рассказать. Итак, ваше слово, — старик снова кивнул в сторону Аркадия.

— Я не краснобай, красиво говорить не умею, — откашлялся Аркадий. Но и у меня были разные шутихи. Вы говорите, нас привела сюда неведомая сила. А ведь и правда. Я не знаю, зачем поехал сюда, но вам, Алексей Викентьевич, я почему-то верю. И верю, что зла вы нам не причините, никогда не используете то, о чем мы тут рассказываем, против нас. Значит, все мы — так называемые медиумы? Что ж, у меня есть кое-что в записнике...

Мои чудеса начались семь лет назад. Примерно в здешних местах, только километров на двести северо-восточней. В горах, словом. Меня после техникума распределили туда на строительство дороги. С нами находился для охраны эскадрон красноармейцев. Однако все равно было, прямо скажу, страшновато. Эти горцы — настоящие разбойники, умеют

только убивать да грабить... Однажды меня послали в город за деньгами — за зарплатой на всю нашу колонну. Не одно-го, конечно. Меня сопровождали шестеро конных красноармейцев и их командир. А еще с нами увязался мой друг Мишка. Подруга у него в городе была, любовь, можно сказать. Он хотел, пока мы в управлении будем волокитой бумажной заниматься, с ней встретиться, а вечером вместе с нами назад вернуться.

Итак, поехали мы в город. Я и Мишка вдвоем на телеге, у каждого наган. А красноармейцы с командиром — вокруг нас на конях. Когда приехали, я сразу побежал в управление за деньгами, а Мишка пошел со своей симпатией встречаться. Ну, финансы я получил, сложил в портфель. Денег — тысячи. Зарплата на двести человек, шутка ли! Мишка вернулся довольный такой, размягченный... Сели мы с ним снова на телегу и поехали обратно. Я портфель с деньгами крепко сжимаю... Мишка тут и говорит: «Эх, Аркаша, женюсь я, наверно, и на свадьбу тебя скоро приглашу». И только он это сказал, тут как раз и налетели... Дорога шла по ущелью, с обеих сторон — скалы. Горцы нам засаду и устроили. Командир наш хоть и молодой, необстрелянный, а не растерялся, бойцов своих с лошадьми в круг построил, телега наша — в центре, мы с Мишкой — под ней. Заняли круговую оборону. Отстреливаемся... Какая-то, думаю, сволочь из управления нас выдала. Знают, что мы с деньгами, потому и поджидали. Началась пальба: те стреляют, мы отвечаем. Да только они за скалы прячутся, а мы — за лошадей и за телегу. Ненадежно! Вот один наш боец упал, второй... Мы продолжаем отстреливаться, но патронов совсем мало. Еще двоих бойцов убили, и командира тоже — прямо выстрелом в грудь. Вот-вот, и нам крышка... Но тут неожиданно подоспела подмога. В ущелье ворвался конный отряд с ближайшей погранзаставы. Они услышали выстрелы и поспешили на помощь. Мы с Мишкой высунулись из своего укрытия и открыли беглый огонь по бандитам. И вдруг пуля попала Мишке прямо в голову. Обливаясь кровью, он упал, а я тут же бросился к нему. Мишка был без сознания, но еще дышал, однако по лицу видно: не жилец. Я положил его на телегу, передал портфель с деньгами командиру пограничников и повез друга обратно в город. Погоня ло-

шадей, я не переставал разговаривать с ним, просил не покидать меня, не умирать. Держа Мишку за руку, я рассказывал, какая замечательная жизнь ждет его впереди. Как он станет выздоравливать, как они с зазубой поженятся и нарожают детей. Как он поступит в институт, получит большую квартиру, а я стану приходить к нему по вечерам играть в шахматы... Мое желание, чтобы он выжил, было настолько сильным, что я даже физически чувствовал, как оно переливается от меня в его неподвижное тело. Смерть, казалось, так и рыскала вокруг нас, бежала рядом с нашей телегой, но я отгонял и отгонял ее!

А когда мы, наконец, приехали в больницу, я вдруг увидел, что моему другу стало лучше: лицо порозовело, дыхание стало ровным. Казалось, он просто спит, даже страшная рана будто уменьшилась. Я разбудил врачей, медсестер, и они перенесли Мишку в операционную. Я остался на крыльчке больницы, курил и по-прежнему продолжал молить Провидение, чтобы оно спасло моего друга. А когда уже начало светать, на крыльцо вышел хирург и попросил у меня папиросу. Видно было, что он смертельно устал. «Вы врач?» — затянувшись, спросил он. «Нет», — удивленно ответил я. «А кто тогда доставал пулю?» «Да никто не мог ее достать!» «В таком случае я ничего не понимаю, — помотал головой хирург. — Рана выглядела смертельной. Уж я-то знаю, повидал. Судя по входному отверстию, он должен был умереть еще несколько часов назад. Но дело в том, что пули в ране нет, и она не застряла в кости черепа — рентген не показал. Впервые сталкиваюсь с подобным случаем!»

С той поры и до сегодняшнего дня я считаю, что в тот вечер именно мне удалось отогнать от своего друга смерть. Отогнать сам не знаю как. Раньше я никому об этом не рассказывал. А теперь вот вам... Конечно, никаким врачом я себя не считаю, однако и потом случалось спасать людей.

Однажды я влюбился, и моя пассия заболела воспалением легких. Врачи заявили, что вряд ли смогут помочь ей, и практически отказались от нее. Я забрал девушку из больницы. Сидел у ее постели, не отходя ни на шаг, два дня и две ночи. Поил куриным бульоном, вытирал со лба пот влажным полотенцем... А главное — держал ее за руку и уговаривал не уми-

рать, не уходить, не бросать меня. Утром третьего дня ей стало лучше, а потом она очень быстро пошла на поправку... Интересно, что, когда она выздоровела, мы расстались довольно скоро. У девушки оказался вздорный характер, и я с трудом представлял себе, как проведу с ней всю свою жизнь...

А еще была утопленница!.. Очень красивая девушка. Ее нашли на пляже в Гаграх. Она провела под водой час, не меньше, и уже не дышала. Врач из санатория сказал, что медицина бессильна. Мне стало жалко ее, показалось несправедливым, что такая красавица может умереть, и я бросился к ней. Зеваки смотрели на меня как на сумасшедшего. Я изображал, что делаю ей искусственное дыхание, а в действительности заклинал, чтобы она не умирала, уговаривал остаться. В какой-то момент она вдруг дернулась, открыла глаза, и из нее фонтаном хлынула вода. Девушку забрали в больницу, а мне пришлось уматывать из санатория раньше срока, потому что я стал местной достопримечательностью. Проходу не давали, просили исцелить свои болячки. Апофеозом стал грузинский князь, который обещал озолотить, если вылечу его дочь-горбунью... Той же ночью я сел на поезд до Москвы...

6

— Ну вот, — прервал сам себя Аркадий, — мы все рассказали свои истории, что называется, вручили вам верительные грамоты, — и он поклонился старику. — Не пора ли и вам рассказать, кто вы? И зачем мы с вами встретились?

Старик обвел всех пристальным взглядом и проговорил:

— У меня нет готовых ответов. Только догадки. И гипотезы.

Во-первых, могу с уверенностью утверждать, что вы не одиноки. Вас — или, если угодно, нас — мало, но мы все же есть. Думаю, таких, как вы, избранных, рождается один человек на миллион, а, может, и того реже. Кто-то из нас умеет проходить сквозь стены, кто-то понимает язык животных, кому-то ведомо будущее, кто-то лечит тяжелейшие болезни словом или наложением рук... Кто мы? Отклонение в эволюции? Тупиковая ветвь в естественном отборе? Не знаю... А может, наоборот, мы не отступление от нормы, а новая норма?

Может, именно через нас совершенствуется человечество? Если мы станем держаться вместе, будем заключать браки друг с другом и рожать детей, возможно, таких, как мы, появится больше. И настанет время — не скоро, но настанет, — когда все живущие на земле люди научатся читать мысли, исцелять силой слова и левитировать...

Я знаю, что избранные были всегда. Мы становились жрецами в Древнем Египте. В античном мире — пифиями и оракулами. Как колдунов и ведьм нас карала святая инквизиция, сжигая на кострах. Кто-то из нас объявлял себя пророком и основывал новые религии. Кто-то выходил в святые угодники: врачевал, наставлял, творил чудеса, предсказывал будущее... В диких племенах мы становились шаманами... Где-то нас запирали в дома скорби и заточали в монастыри... И только сейчас, в двадцатом веке, мы получили невиданный раньше исторический шанс...

— Шанс? Какой? — спросила Софья, зачарованно глядя на старика.

— Шанс объединиться. Держаться вместе. Изучать самих себя и собственную природу.

— А почему этот шанс вдруг возник именно сейчас? — грубо перебил его Дмитрий. — Что такого особенного заключается в текущем историческом моменте?

— Вы, Дима, простите, какого года рождения? — вопросом на вопрос ответил старик.

— Я? Девятьсот одиннадцатого.

— А вы? — обратился он к Софье.

— Вообще-то, женщинам подобных вопросов не задают, — кокетливо рассмеялась девушка, — но я могу на него ответить: мне девятнадцать лет, я родилась в семнадцатом году.

— А я — в девятьсот девятом, — не дожидаясь вопроса, сказал Аркадий. — Но при чем здесь наш возраст?

— Возраст имеет значение. Впервые нам представилась возможность познать самих себя. Представьте, если бы вы, с вашими талантами, родились сто, двести лет назад? Как бы вы объясняли свои способности? Вас бы преследовали, заточали в подземелья, сжигали на кострах. А теперь мы можем познать себя и служить себе...

Вы — или, по крайней мере, двое из вас — сумели услышать мой зов и пришли. Здесь, в горах, я не один... Нас немного, всего лишь четверо... Мы живем уединенно, коммуной... У нас свое хозяйство. Овощи, фрукты, имеются коровы и куры. Мы сами ухаживаем за скотом и птицей, печем хлеб, стараемся ни с кем не общаться из посторонних. Мы отказались от общественной жизни, но зато заняты друг другом и совершенствуем свои способности... Я приглашаю вас присоединиться к нам. Легкой жизни не обещаю, зато обещаю, что она будет интересной. Впрочем, приглашаю не всех. Один из вас троих мне солгал — он не избранный. Он здесь, — старик коротко и невесело хохотнул, — совсем по другому делу.

Двое мужчин и девушка переглянулись между собой. Их взгляды выражали недоумение, настороженность и подозрительность.

— И я прошу этого человека встать и уйти. Забыть и это место, и все то, что он здесь слышал. Прошу! — Алексей Викентьевич взглянул на сидящих у костра. Никто не двинулся с места. — Ну, хорошо, — загадочно усмехнулся он. — Тогда небольшое испытание.

Старик достал из своей пастушьей сумки три обреза и протянул их гостям, аккуратно держа за дуло.

— Ружья заряжены. Но я не хочу подвергать вас смертельной опасности, поэтому они заряжены не жаканами, не дробью и даже не солью. В каждом — по два патрона, начиненных капсулами с красной краской. Вы сейчас возьмете обреза и отойдете на тридцать шагов от костра. Вы, — кивнул он девушке, — на север. Вы, Дмитрий, на восток. А вы, Аркадий, на запад. Завязывать глаза я вам не буду. Ночь по-прежнему темна, ничего не видно. По моей команде вы начнете стрелять. Тот, в кого попадет краска, проиграл. И он немедленно отсюда уйдет. Условия ясны?

— А если я не умею стрелять? — перебила его Софья.

— Вы умеете стрелять, — с нажимом проговорил старик. — Сейчас все девушки умеют стрелять. ГТО и «ворошиловские стрелки», не правда ли? Итак, мы начинаем! — и он хлопнул в ладоши.

Гости, каждый с обрезом в руках, нехотя поднялись и разошлись в разные стороны. Вскоре они совсем исчезли в тем-

ноте. Алексей Викентьевич остался у огня в одиночестве. Выждав еще полминуты, он выкрикнул: «Пли!»

Три выстрела слились в один.

Во лбу сидящего у костра старика вдруг появилась алая точка. Его тело дернулось и завалилось набок.

И в тот же самый миг откуда-то вдруг ударил яркий электрический свет.

Два луча прожектора, вспыхнувшие в соседнем перелеске, поймали затухающий костер, возле которого неподвижно лежал старик. У его головы расплывалась лужа черной крови.

Потом прожекторы выхватили из темноты троицу, стоявшую по разные стороны от костра на равном от него удалении. Двое из них, Аркадий и Софья, сжимали обрезы.

А Дмитрий держал в правой руке наган. Оба его плеча были испачканы красной краской.

Из перелеска донесся усиленный рупором мужской голос: — Бросить оружие! Поднять руки вверх!

Обрезы и наган полетели на землю, и все трое вскинули руки.

А навстречу им, из перелеска, уже бежали с винтовками наперевес люди в форме бойцов НКВД...

7

Строго секретно, в одном экземпляре

*Комиссару госбезопасности 1 ранга КАПУСТИНУ Л. М.
29 августа 1936 г.*

ОПЕРАТИВНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

28 августа 1936 года операция «Шторм» вошла в завершающую стадию. Агенту «Оракулу», под прикрытием легенды якобы имеющихся у него экстраординарных способностей, удалось встретиться с руководителем контрреволюционной организации так называемых «ясновидцев» — гр-ном ЕРМОЛОВЫМ Алексеем Викентьевичем (1880 года рождения, не работающий, из дворян). Встреча состоялась в пустынной горной местности, в двадцати километрах к юго-востоку от аула Архыз. (Карта местности прилагается.)

Для подстраховки агента и возможного захвата ЕРМОЛОВА и его сообщников в непосредственной близости от ме-

ста встречи скрывался взвод бойцов НКВД. Вместе с «Оракулом» во встрече с ЕРМОЛОВЫМ участвовали еще двое так называемых «ясновидцев»: гр-ка МАРКОВА Софья Андреевна (1917 года рождения, студентка, проживающая в г. Москве), и гр-н СЕРЕБРЯКОВ Аркадий Петрович (1911 года рождения, горный мастер, прописанный в г. Краснодаре). «Оракул» использовал МАРКОВУ и СЕРЕБРЯКОВА, которые якобы тоже обладают неординарными способностями, для того, чтобы с их помощью выйти на ЕРМОЛОВА, явно заинтересованного в пополнении своей контрреволюционной сети «ясновидцев» новыми приспешниками.

В ночь с 28 на 29 августа состоялась встреча ЕРМОЛОВА с «Оракулом», а также с МАРКОВОЙ и СЕРЕБРЯКОВЫМ. В ходе беседы с ними ЕРМОЛОВ фактически признал существование контрреволюционного подполья так называемых «ясновидцев». (Отчет агента «Оракула» прилагается.) Во время разговора ЕРМОЛОВУ, обладающему высоким интеллектом и обостренной интуицией, удалось расшифровать агента. Чтобы предотвратить возможный собственный провал, «Оракул» применил имевшееся при нем личное оружие. После того, как прозвучал выстрел, мною был отдан приказ силами вверенного мне взвода захватить всех четверых. Операция прошла успешно, однако выяснилось, что агент «Оракул» убил ЕРМОЛОВА наповал. МАРКОВА и СЕРЕБРЯКОВ задержаны.

Поиски базового лагеря «ясновидцев», в котором, по заявлению ЕРМОЛОВА, проживали, помимо него, трое других «ясновидцев», начаты немедленно. Они продолжаются до сих пор силами двух взводов войск НКВД, однако пока к успеху не привели.

Ст. л-т ГБ

СИЛИН В. К. (подпись)

На рапорте красным карандашом имеется резолюция:

Агента «Оракула», провалившего операцию, арестовать и предать суду.

Ст. л-та ГБ Силина, провалившего операцию и допустившего смерть Ермолова, разжаловать в рядовые и перевести охранником в систему ГУЛАГ.

Маркову и Серебрякова содержать в условиях строгой изоляции и начать в условиях строжайшей изоляции изучение их так называемых «способностей». В 3-дневный срок разработать оперативный план работы с ними. Беречь обоих как зеницу ока!

О дальнейшей судьбе Софьи Марковой и Аркадия Серебрякова известно немного.

Никаких документов в архивах НКВД — КГБ — МГБ не сохранилось. Никого из тех, кто «работал» с ними, уже давно нет в живых.

Кто-то из историков считает, что они не выдержали чекистских «исследований» и скончались в тюремной больнице.

Кто-то полагает, что операция «Оракулы» (вторая фаза операции «Оракул») была свернута в самом начале Великой Отечественной, а Маркова и Серебряков расстреляны.

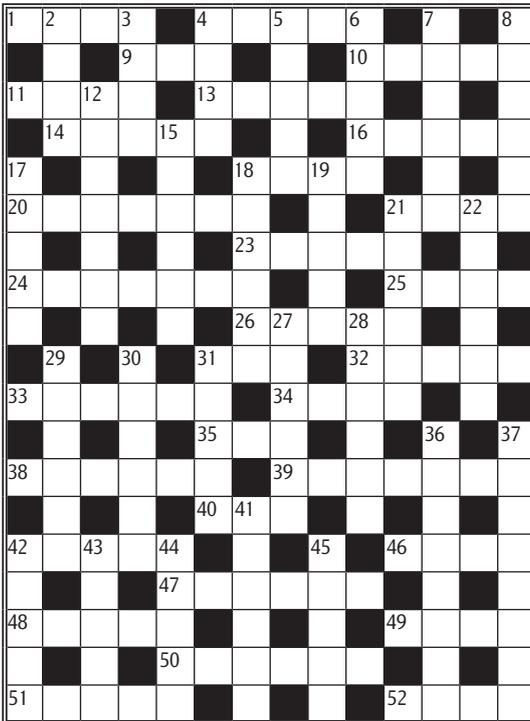
Однако некоторые исследователи уверяют, что обнаружили факты о том, что, находясь под неусыпным контролем НКВД, Маркова и Серебряков вышли на свободу и в декабре 1936 года поженились.

А в ноябре 1938 года их под именем супругов Симоны и Йохана Ван дер Вальд забросили в Западную Европу для создания нелегальной разведывательной сети.

В январе 1945 года Марковой и Серебрякову за операцию «Красный медведь» присвоено звание Героев Советского Союза.

После 1945 года дальнейшая деятельность Ван дер Вальдов (Софьи Марковой и Аркадия Серебрякова) полностью засекречена.

...А еще у них были дети. ▣

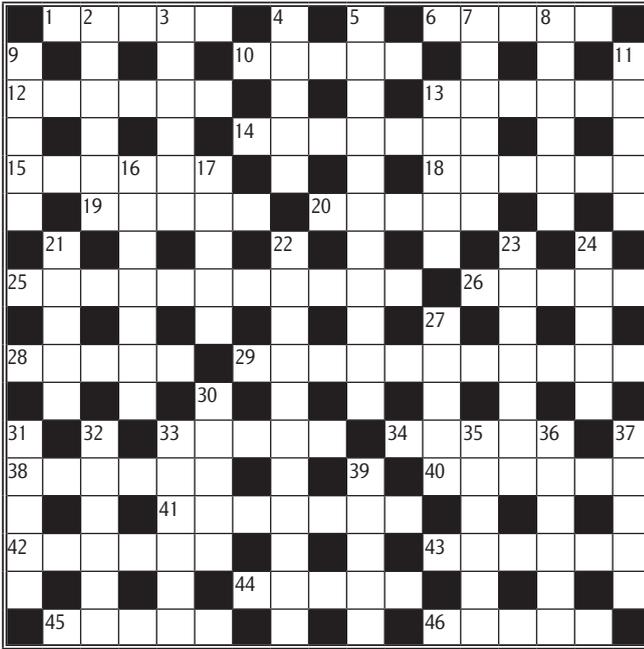
По горизонтали: 1. «Острый ... — режущий инструмент, какой не тупится от постоянного пользования» (В. Ирвинг). 4. Русский композитор, чей сын стал знаменитым художником. 9. Отцовская нотация львенку. 10. «Итальянцы Востока» (Т. Карлейль). 11. Предмет женской одежды. 13. Официальный документ. 14. Американский живописец, чей «фотографизм» не мешал ему выражать романтические настроения. 16. Часть одежды, подчеркивающая формы. 18. Хоть и серый, но разговорчивый полугай. 20. Сплетенная невидимка. 21. Друг Еремы. 23. Сказка о торжестве коллективизма. 24. Дрейфующая гора. 25. Имя Элочки-людоедки по паспорту. 26. Квартет дуэтов. 31. На него ложится тот, кто хочет скрыться. 32. Человек постоянно на высоте. 33. Древнерусский летописец. 34. Город во Франции, центр производства шелка. 35. Головокружительная прямая. 38. Бальный танец, в переводе означающий «шотландский». 39. Покрикивание с угрозой. 40. Путь к единению с природой по китайской философии. 42. Поэтическое название стерни. 46. Пирожное. 47. Известная эстрадная певица с молдавскими корнями. 48. Самый смешной из «рыбных» рассказов А. Чехова. 49. Американский писатель. 50. Дерево в сказках, просящее отведать его плодов. 51. Зверь, носящий «закрома» при себе. 52. Заранее намеченный замысел, проект.

По вертикали: 2. Горбатая «корова», живущая в Азии и Африке. 3. Место «хаты равнодушного». 4. Население хлева. 5. До нее доходит человек, доведенный до крайности. 6. Самый галантный французский художник. 7. Переездной цирк. 8. «Одна у летчика мечта» (из советской песни). 12. «Мини»-автомобилист. 15. Королевич, разбудивший пушкинскую спящую царевну. 17. Пустынный обманщик. 18. Социальная разновидность речи. 19. «Крышка» на немецкий лад. 21. И кузов автомобиля, и конный экипаж, и морская птица. 22. Шеф гестапо. 27. «Двух сердец одно решенье» (из песни). 28. Уменьшительное имя горьковского Булычова-старшего. 29. Русский актер, любивший в хороших пьесах большие роли, а в плохих — маленькие. 30. Известный одессит, снявшийся в фильме «Веселые ребята». 31. Певчая птица. 36. Музыкальный промежуток. 37. Русский композитор, участник «Русских сезонов» в Париже. 41. Предводитель гуннов. 42. Холостяк накануне свадьбы. 43. Религия, не позволяющая есть свинину. 44. Одежда городских извозчиков. 45. Французский писатель, автор романа «Таис».

Ответы на кроссворд, напечатанный в №8

По горизонтали: 1. Деисус. 7. Жмурки. 11. Витрина. 14. Устранение. 15. Грушовка. 17. Бриз. 18. Менделеев. 19. ... лихо. 22. Раиса. 23. ... злоба ... 14. Гарем. 26. Йен. 29. Цех. 30. Аксаков. 31. Бегуны. 32. Юла. 34. Пан. 35. Баламут. 36. Феномен. 37. Ост. 40. Рим. 41. Топор. 42. Илион. 43. Силен. 48. Желе. 49. Черевички. 50. Поле. 53. Заванник. 55. Средоточие. 57. Нереида. 58. Финист. 59. Майков.

По вертикали: 1. Дружба. 2. Интриганка. 3. Уран. 4. Хин. 5. Эре. 6. Янг. 8. Мышь. 9. Ревнивец. 10. Иванов. 11. Ветер. 12. Тиндаль. 13. Ариец. 16. Алябьев. 20. Эскалатор. 21. Дальтоник. 22. Реалист. 25. Мещанин. 27. Топаз. 28. Кучер. 33. Бурляев. 34. Переводчик. 38. Тотлебен. 39. Колибри. 44. Джлзеф. 45. Мерин. 46. Шкода. 47. Резерв. 51. Овес. 52. Утка. 54. Кеб. 55. Сев. 56. Еда.

По горизонтали: 1. Общая трапеза у масонов. 6. Дерево, чьими листьями болгары лечат змеиный укус. 10. «Белеет ... одинокий» (М. Лермонтов). 12. Почетный ... — особый корпус в войсках Наполеона. 13. «Забирает» жизнь другого человека. 14. Художник-декоратор Павловского дворца. 15. Ученый, редактировавший исторический отдел в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. 18. Библиейская пророчица. 19. Инертный газ. 20. Один из древних русских городов. 25. Разнобой в идеях или поступках. 26. «Терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении» (И. Ньютон). 28. Преобладающий лад в русских народных песнях. 29. Поэт, отец которого был офицером из ближайшего окружения Павла I. 33. Советский инженер, создатель арочных и сетчатых перекрытий. 34. Католическое песнопение. 38. Римский сатирик, считавший, что «в здоровом теле — здоровый дух». 40. Русский элемент декора столбов и наличников окон. 41. Сделайте ... (выражение усиленной просьбы). 42. Фантастический зверь русского суеверия, связанный с мамонтом. 43. Предоставление каких-либо преимуществ. 44. Крестьянская одежда. 45. Древнеримский писатель, известный своими трудами о медицине. 46. Стальной пестик гравировщика.

По вертикали: 2. Птица, ценная своим пухом. 3. Спортивное состязание на большую дистанцию. 4. Становище цыган. 5. Русский Тартюф в юбке из пьесы А. Островского. 7. ... и куница — жених и невеста в восточнославянском фольклоре. 8. Австрийский философ. 9. «Помощница» стариков при ходьбе. 11. Француз, «Тициан фотографии». 13. Рыба, которая, как верили немцы, спаривается со змеями. 16. Знаменитый генерал, принимавший участие в Крымской войне. 17. «Астраханский апельсин». 21. Профессия, которую Нострадамус считал главной в своей жизни. 22. Учение о судьбах людей и мира, родственное апокалипсису. 23. Советский биохимик и минералог. 24. Цветок, эмблема невинности. 27. Право крестьян на переход от одного владельца к другому в XI—XV веках. 30. Птица, хвалящая свое болото. 31. «Мадам ... верх совершенства!» (ироническое восклицание в поэме Некрасова «Современники»). 32. «У политика нет ..., есть только голова» (изречение Наполеона). 33. Третий имам Дагестана и Чечни. 35. Носик сосуда. 36. Поэтесса, которой В. Брюсов посвятил книгу «Стихи Нелли». 37. Кочевник от Белого Гуся. 39. Инструмент плотника и столяра для грубой обработки дерева.

Ответы на эрудит, напечатанный в №8

По горизонтали: 1. Джинн. 4. Узус. 8. Шива. 11. Мориа. 12. Староселье. 13. Карп. 14. Тесла. 16. Палестра. 18. Лист. 21. Челн. 22. Ценз. 24. Антитеза. 27. Флобер. 29. Сыч. 32. Али. 33. Диссертация. 34. ... очи. 36. Гну. 38. Лирник. 39. Хубилган. 43. Моаи. 44. Лужа. 45. Надя. 49. Мракобес. 50. Рупия. 52. Дети. 53. Колдовство. 54. Леско. 55. Маро. 56. Вина. 57. Айтыс.

По вертикали: 2. Жуть. 3. ... норманн. 5. Золотце. 6. Сметана. 7. Пруст. 8. Шакал. 9. Вирус. 10. ... успехи. 15. Очес. 16. Плач. 17. Резервуар. 19. Изба. 20. Тори. 23. Эллинг. 25. Тритий. 26. Тасм. 28. Елен. 30. Ырчи. 31. Дали. 34. Олин. 35. Ирод. 36. Гнус. 37. Уфар. 39. Хомяков. 40. Биатлон. 41. Леонов. 42. Алексей. 46. Арена. 47. Ярило. 48. Спесь. 51. ... овцы.

В августовском номере вместо ответов на Эрудит, напечатанный в № 7, опубликованы ответы на Эрудит июньского номера. Приносим свои извинения.

Ответы на Эрудит, напечатанный в № 7

По горизонтали: 1. *Осьель*. 6. *Шукиин*. 10. *Цитата*. 11. *Обманщик*. 12. *Хилков*. 13. *Бокс*. 15. *Своеволие*. 16. *Жеман*. 19. *Нурми*. 20. *Лола*. 21. *Ясли*. 23. *Вюйяр*. 25. *Тонзура*. 28. *Ендова*. 30. *Агитки*. 31. ... *ярмарка*. ... 35. *Нонет*. 36. *Дари*. 37. ... *крыж*. 38. *Цилле*. 40. *Квены*. 43. *Стерадан*. 44. *Гафт*. 46. *Футляр (виолончельный)*. 47. *Чистоган*. 48. *Этикур*. 49. *Вигвам*. 50. ... *укоры*.

По вертикали: 2. *Самообладание*. 3. *Понева*. 4. *Лик*. 5. *Рамо*. 6. «*Шахс*». 7. *Колье*. 8. *Ижора*. 9. *Подсолнечник*. 10. *Циклист*. 13. *Бенин*. 14. *Корфу*. 16. *Живаго*. 17. *Мейстерзингер*. 18. *Пармиджанино*. 22. *Лоза*. 24. *Святцы*. 26. ... *зека*. 27. «*Ра*». 29. *Ар*. 32. *Мулла*. 33. *Рдест*. 34. *Арретир*. 39. *Лахтак*. 41. ... *внуки* ... 42. ... *налив*. 44. *Грэм*. 45. *Фриз*. 47. *Чуб*.

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплате квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 60 руб., на 3 месяца – 180 руб., на 6 месяцев – 360 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»			
Кассир Извещение	Подпись плательщика		
	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
Вид платежа		Дата	Сумма
Подписка на журнал «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

А также вы можете подписаться на журнал «Смена» и «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» в любом отделении почтовой связи.

<p>Каталог «Газеты Журналы Агентства «Роспечать»</p>		<p>Индекс 84630 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 70820 – подписка на журнал «Смена» Индекс 33233 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Льготный индекс 33234 (для постоянных подписчиков) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>Каталог Российской прессы «Почта России»</p>		<p>Индекс 16746 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 99406 – подписка на журнал «Смена» Индекс 11602 – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Льготный индекс 11578 (для подписавшихся в 2010 году) – подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>Объединенный каталог «Пресса России»</p>		<p>Индекс 87805 – подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» Индекс 88998 – подписка на журнал «Смена»</p>

«Кабанову было страшно. Еще издали он увидел высеченный из гранита бюст и сразу узнал себя — Артем Кабанов, могучий, непокоренный, гордый и красивый. «Вот хохма-то! — подумал он. — При жизни памятник поставили! С таким памятником я обязан жить долго и счастливо!»

Андрей Дышев «Раб»

«Эсполио» приобрела такую популярность, что семнадцать благородных и небедных толедских горожан захотели иметь ее копию в своих домах, и художник семнадцать раз повторил свое творение. Случай в истории живописи исключительный!»

Ирина Опимах «Эсполио Эль Греко»

«Нот тут совершенно неожиданно скончалась императрица. И Нелидова — все еще фаворитка, но теперь уже императора — немедленно вернулась во дворец. «К своей бесценной подруге», — утверждала она. «В постель к императору», — злословили при дворе.

Светлана Бестужева-Лада «Династия фавориток»

«Нот самой загадочной является советская экспедиция в Чили в 1972 году. ... После расчистки завалов был обнаружен вход в пещеру ... Пройдя несколько метров, наши специалисты увидели множество медных слитков в форме яйца, а также странный механизм, похожий на гигантскую сороконожку. Сороконожка обрабатывала медные жилы подобно тому, как пчела собирает мед, и «выдавала на поток» медные яйца...»

Денис Логинов «Пещерные загадки»